

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ЮСТИНИАНА¹

б) РЕФОРМЫ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НАСЕЛЕНИЯ ИМПЕРИИ

В законодательстве Юстиниана были введены весьма существенные изменения, касавшиеся гражданских прав населения империи. Завершается и получает свое окончательное юридическое оформление длительный процесс нивелировки гражданских прав всех свободных. Сглаживаются правовые различия между римским народом и покоренными племенами и народами, населявшими римское государство. Этого настоятельно требовало развитие экономических и политических связей между различными областями империи и народами, ее населявшими. Гражданская неполноправность, связанная с местом жительства в провинциях и с положением некогда завоеванного народа (*latini, dedititii*), теперь полностью себя изжила². После эдикта Каракаллы 212 г., предоставившего права римского гражданства подавляющему большинству населения империи, для окончательной нивелировки всех свободных подданных императора осталось только уничтожить ограничения в гражданских правах некоторых категорий вольноотпущенников. Этот последний шаг был сделан Юстинианом, который полностью отменил устаревшие ограничения гражданской правоспособности.

Лейтмотивом всей законодательной деятельности Юстиниана была идея подчинения всех жителей единой империи, власти одного императора. Отныне все подданные империи с юридической точки зрения делились на полноправных римских граждан (*cives romani*) и рабов (*servi*).

С целью устранения гражданской неполноправности различных категорий вольноотпущенников Юстиниан особым предписанием 530 г. отменил ограничения правоспособности отпущенных на волю рабов, предусмотренные ранее законом Элия Сенция (*lex Aelia Sentia*). Согласно закону Элия Сенция рабы, совершившие какие-либо преступления, при отпуске на свободу не получали прав римского гражданства, а становились неполноправными *peregrini dediticii*.

Закон Юстиниана от 530 г. полностью отменил состояние *dediticii Aeliani* для этой категории вольноотпущенников и уравнил их в гражданских правах с другими либертинами³.

¹ Продолжение. Начало см. ВВ, XXVI, 1965.

² E. Schönbauer. Studien zur Personalitätsprinzip im antiken Recht. — ZSSR, RA, t. 49, 1929; E. M. Штаерман. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы. — ВДИ, 1946, № 2, стр. 81—88.

³ CJ, VII, 5.1: *Dedititia conditio nullo modo in posterum nostram reipublicam molestare concedatur.*

В следующем 531 г. Юстиниан издал еще более важный закон, уничтоживший гражданскую неполноправность тех категорий вольноотпущенников, которые после отпуска на свободу получали статус латинов. По ранее существовавшим законам Элия Сенция и Юния Норбана к этой категории либертинов причислялись рабы, отпущенные на волю без соблюдения установленных формальностей (*inter amicos, per epistolam*).

Отныне, по предписанию Юстиниана, все рабы, отпущенные на свободу любым законным способом, даже при несоблюдении старинных формальностей, получали вместе со свободой и права римского гражданства. Для отпуска раба на свободу и приобретения им прав римского гражданина теперь было достаточно «неформального» заявления господина или его отпускного письма и присутствия пяти свидетелей при освобождении раба.

Ранее существовавшее неполноправное гражданское состояние *latini Iuniani* полностью отменялось⁴. Тем самым были окончательно упразднены остатки юридической неполноправности, связанные со статусом латинского гражданства, и самое это понятие потеряло какое-либо реальное значение.

При Юстиниане произошло дальнейшее упрощение и облегчение процедуры отпуска рабов на свободу. Этот император отменил тягостные ограничения отпуска рабов на волю, введенные ранее законами Элия Сенция и Фуфия Каниния⁵.

Юстиниан целиком упразднил закон Фуфия Каниния, а из закона Элия Сенция оставил в силе лишь два предписания: 1) господин, не достигший 20-летнего возраста, для отпуска на свободу раба, как и ранее, должен был получить особое разрешение властей; 2) по-прежнему запрещалось освобождать рабов в ущерб интересам кредиторов⁶.

Юстиниан придал законную силу многим неторжественным и неформальным способам отпуска рабов на волю⁷. За определенные заслуги перед государством и раскрытие особо тяжких преступлений рабы, по закону, получали свободу и без согласия господина. Раб, обнаруживший фальшивомонетчика, выдавший властям дезертира, предотвративший похищение девушки, отпускался на волю даже вопреки желанию своего хозяина⁸.

⁴ CJ, VII, 6.1 (*De latina libertate tollenda et per certos modos in civitatem romanam transfusa*). О гражданской правоспособности и ее составных элементах см. «Римское частное право». Учебник для юридических вузов под ред. И. С. Перетерского, В. А. Краснокутского, Е. А. Флейшица и др. М., 1948, стр. 94 и сл.

⁵ Закон Элия Сенция предписывал соблюдать при выпуске рабов на свободу следующие условия: 1) если раба моложе 30 лет отпускает на волю господин, сам еще не достигший 20-летнего возраста, то необходима предварительная проверка уважительности оснований освобождения (*de causis liberalibus*), которая производится особой комиссией знающих юристов; 2) рабы, приговоренные к наказанию за преступления и подвергшиеся клеймению, после освобождения получают ограниченную правоспособность — они становятся *peregrini dedititii*; 3) не признается законность освобождения раба, если оно сделано во вред кредиторам (*in fraudem creditorum*). Закон Фуфия Каниния ограничивал число рабов, которых разрешалось отпустить на свободу по завещанию: господин, имевший до трех рабов, имел право освободить не более двух, имевший до десяти — не более пяти, до тридцати — не более трети общего числа рабов, до ста — не более четверти, до пятисот — не свыше пятой части. Одному господину дозволялось отпускать не более ста рабов.

⁶ CJ, VII, 6.1—3; VII, 15.2 (anno 530); См. Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах ранневизантийского феодализма. — ВИ, 1961, № 6, стр. 96—110; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1960, № 2, стр. 91—103.

⁷ CJ, VII, 6.1—9.

⁸ CJ, VII, 13.2—4.

Особенно большое значение для облегчения отпуска рабов на свободу имел закон, изданный Юстинианом в 531 г., согласно которому господин, завещавший свое имущество рабу, тем самым уже отпускал раба на волю⁹.

Разрешалось освобождать раба, послав его на военную службу¹⁰ или дав согласие рабу вступить в монастырь. Если раб тайно скрывался в монастыре, то через три года господин терял на него свои права¹¹. Раб получал свободу, достигнув сана епископа¹². В судебных процессах по делам о свободе (*de causa liberalis*) теперь сам раб мог выступать в качестве юридического лица, не выставляя вместо себя особого защитника свободы (*assertor in libertatem*)¹³.

Все эти изменения в правовом статусе рабов в VI в., естественно, явились результатом длительной эволюции их экономического положения и обострения социальной борьбы в эпоху перехода от рабовладельческого строя к феодальному¹⁴.

Коренные изменения в экономическом и правовом положении рабов вместе с тем послужили важной предпосылкой для отмены гражданской неправоеспособности либертинов, окончательно оформленной в законодательстве Юстиниана.

В VI в. ограничения прав гражданства уже не связываются с этнической принадлежностью данного лица к некогда покоренному римлянами народу. Внутри государства утратило также всякое реальное значение и понятие «перегрины», ибо прежнее деление на *cives romani* и *peregrini* фактически исчезает, а перегринами продолжают называться теперь только народы, живущие вне Римской империи.

Все реже и реже в законодательстве Юстиниана применяется лишение прав римского гражданства как мера наказания за совершение каких-либо преступлений. Однако было бы ошибкой думать, что тенденцией к нивелировке населения, нашедшей свое явственное завершение в VI в., ограничиваются изменения в гражданских правах населения, внесенные в законодательство Юстиниана.

Наряду с сильной нивелирующей струей в законах VI в. мы наблюдаем параллельный процесс юридического оформления гражданско-правового статуса новых сословно-классовых группировок, сложившихся в Римской империи в IV—VI вв. В Кодексе и Новеллах Юстиниана оформляется правовой статус такой многочисленной прослойки сельского населения, как колоны. В XI книге Кодекса Юстиниана как бы подведен итог многолетнему развитию и изменению хозяйственного и правового положения различных категорий колонов. Формально оставаясь свободными, колоны, однако, терпели существенные

⁹ CJ, VI, 27.5. См. R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri 332 B. C. — 640 A. D. New York, 1944; idem. Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri. — ZSSR, RA, t. 50, 1930.

¹⁰ CJ, XII, 34. 6, 7.

¹¹ Nov. Just., 5, c. 2; 1—3; 123, c. 7.

¹² Nov. Just., 123, c. 4.

¹³ CJ, VII, 17.1.2.

¹⁴ W. W. Buckland. The Roman Law of Slavery. Cambridge, 1908; W. L. Westermann. The Slaves Systems of Greek and Roman Antiquity. Philad., 1955, p. 120—162; там же — литература вопроса (p. 165—173); A. H. M. Jones. Slavery in the Ancient World. — ENR, ser. II, vol. IX, N 2, 1956, p. 185—199; E. M. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957; З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана). — ВВ, XXIV, 1964, стр. 3—34; ее же. Некоторые изменения в экономическом положении рабов в Византии VI в. — ЗРВИ, кн. VIII, 1. Белград, 1963.

ограничения правоспособности как в сфере публичного, так и гражданского права.

В области публично-правовых отношений эти ограничения выражались в прикреплении колонов к земле и стеснении права передвижения¹⁵. Оставление колоном возделываемого им участка давало землевладельцу основание осуществить виндикацию (*vindicatio*) колона по образцу виндикации раба, т. е. хозяин мог вытребовать колона судебным порядком с земли другого собственника¹⁶. Тем самым сильно умалялась реальная личная свобода колона. Колонам запрещалось без разрешения господина поступать на гражданскую или военную службу¹⁷. Низшие категории колонов приравнялись к рабам¹⁸.

В сфере гражданско-правовых отношений некоторые категории колонов по существу были крайне стеснены и в осуществлении *jus conubii* (право на брак и семью) и *jus commercii* (право быть субъектом всех имущественных правоотношений и сделок). Браки колонов были ограничены пределами одного имения¹⁹. В случае отсутствия законных наследников колоны могли завещать свое имущество лишь другим колонам своего же господина, чтобы это имущество оставалось также в пределах одного и того же имения²⁰.

Была крайне сужена активная юрисдикция колонов. Они могли возбуждать судебные иски против владельца земли только в исключительных случаях, связанных с незаконным повышением поземельного канона²¹. Колон не имел права каким-либо способом пустить в оборот свое имущество за пределами имения господина.

В Кодексе Юстиниана суммируются правовые основания как возникновения, так и прекращения статуса колона. Свободный человек считался колоном при следующих обстоятельствах: 1) если он был рожден от родителей, из которых хотя бы один являлся колоном²²; 2) в случае заключения им соглашения с землевладельцем, в силу которого он поселялся на чужой земле в качестве колона²³; 3) по истечении тридцатилетней давности проживания в имении господина на положении колона²⁴.

Насильственным образом превращались в колонов трудоспособные свободные граждане, занимающиеся нищенством.

Прекращение статуса колона было крайне затруднено. Для этого требовалось выполнение одного из весьма нелегких условий: приобретение колоном собственности, достаточной для содержания его самого и его семьи²⁵, служба в курии или корпорации более тридцати лет²⁶, пребывание в монастыре свыше трех лет или получение колоном сана епископа²⁷. Практически для огромного большинства колонов эти условия были невыполнимы, и сами они, и их потомки навсегда оставались бесправными людьми.

¹⁵ CJ, XI, 48.22.23; Cp. CTh, V, 9.1.

¹⁶ CJ, XI, 48.23. Вместе с тем и землевладелец не имел права согнать колона с участка, продать землю без колонов или колонов без земли (CJ, XI, 48.7.13.21; XI, 50.2; XI, 63.3).

¹⁷ CJ, XI, 48.11.18; XI, 61.1.

¹⁸ CJ, XI, 48.21; XI, 50.2.52. Nov. Just., 54, praef.

¹⁹ Nov. Just., 157; cp. 162, c. 1—2.

²⁰ Nov. Just., 144, c. 2.

²¹ CJ, XI, 48.20; XI, 50.1.

²² CJ, XI, 48.21.

²³ CJ, XI, 48.22.23.

²⁴ CJ, XI, 48.6.23.

²⁵ Nov. Just., 167.

²⁶ CJ, XI, 66.6.

²⁷ Nov. Just., 123, 35.

В законодательстве Юстиниана в отличие от классического римского права вводились ограничения гражданской правоспособности отдельных лиц в зависимости от их вероисповедания: под влиянием христианской церкви жестоко ущемлялись права язычников, евреев, отступников, еретиков²⁸. Одновременно возникали новые правовые ограничения, находившиеся фактически в прямой зависимости от этнической принадлежности того или иного лица. Все варвары, вселившиеся на территорию империи и жившие в ее пределах на положении *gentiles, laeti, foederati*, считаясь подданными римского государства, не получали, однако, полного права римского гражданства. В сфере гражданскоправовых отношений они сохраняли свой особый юридический статус, свои законы и обычай, хотя и подчинялись римскому публичному праву²⁹.

Законодательство Юстиниана окончательно оформляло юридический статус еще одной многочисленной категории населения — воинов (*milites*).

Отныне воины подлежали суду своих военачальников и были несколько стеснены в своей юрисдикции. В случае совершения воином уголовного преступления военачальник решает, выдать ли его судье или наказать самому; чаще всего солдаты наказывались непосредственно своими командирами. Военная профессия фактически сделалась к этому времени наследственной, и сыновья ветеранов по достижении определенного возраста должны были вступать в армию.

Вместе с тем принадлежность к военному сословию связывается теперь и с особыми привилегиями воинов, в частности, в сфере семейного права. В случае длительного пребывания воинов вне дома не по их вине, а в связи с требованиями их военной профессии они получают разрешение на развод с женой, сохраняя при этом все имущественные выгоды брака³⁰. В законодательстве VI в. интересы воинов были ограждены и в отношении прав наследования: имущество воина, умершего без завещания, переходит по закону непосредственно к его детям.

Итак, в законодательстве Юстиниана прослеживается двуединый процесс перестройки системы гражданских прав населения империи: с одной стороны происходит уничтожение уже устаревших ограничений в правах гражданства для давно ассимилированных широких слоев населения империи, с другой стороны идет оформление новых гражданскоправовых различий в зависимости от сословно-классовой, этнической и религиозной принадлежности того или иного лица.

в) РЕФОРМЫ ЮСТИНИАНА В ОБЛАСТИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА И ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ

В законодательстве Юстиниана нашла свое завершение длительная эволюция семейных отношений, происшедшая за предшествующие столетия в римском обществе.

Реформы семейного и наследственного права, проведенные Юстинианом, во многом завершили процесс разложения древнеримской семьи (*familia*) и формирования новых семейных отношений. В основе эволюции римской семьи, естественно, лежали изменения социально-экономических отношений в римском и затем византийском государстве. Это было связано с кризисом

²⁸ CJ, I, 5.1—22; Nov. Just., praef.; Nov. Just., 115, c. 3, § 14; c. 4, § 8.

²⁹ CTh, VII, 13.16; 15.1; XIII, 11.9.

³⁰ Nov. Just., 22, c. 14; P. Mondain. *Réflexions sur l'armée byzantine*. — «Revue de défense nationale», 19, 1963.

рабовладельческого строя, модификацией собственности, превращением Рима из замкнутого небольшого государства в мировую империю. Немалую роль сыграли и перемены в политическом устройстве, исчезновение разделения населения на римских граждан и peregrinov, победное шествие jus gentium, вытеснившего древнеримское jus civile, крах родовой замкнутости и древнеримской исключительности. Римская семья испытала влияние семейных отношений покоренных Римом народов, воздействие новой идеологии христианства, повлекшее за собой изменение этических и моральных воззрений общества³¹.

В законодательстве Юстиниана разложение древнеримской семьи нашло свое выражение прежде всего в ослаблении власти домовладыки над подчиненными ему лицами. Первыми стали освобождаться жена и дети. К VI в. практически исчезает брак *cum manu mariti*; сильно ограничивается власть мужа над женой, супруги принципиально (но не всегда реально) признаются равноправными, хотя главой семьи остается по-прежнему муж.

Ослабевает власть отца (*patria potestas*) над детьми, жена и дети получают имущественные права³².

Еще император Константин отнял у домовладыки право жизни и смерти (*jus vitae ac necis*) над женой и детьми, однако разрешил продавать новорожденных детей в кабалу³³. Юстиниан уничтожил отдачу в кабалу (*noxae datio*) в возмещение иска за какое-либо правонарушение сыновей и дочерей, оставив эту меру наказания только для рабов³⁴. На публичные права подвластного наличие *patria potestas* влияния не оказывало³⁵.

К VI в. возросли имущественные права законных детей. Ранее юридически считалось, что сын не мог иметь своего имущества: все, что он приобретал, переходило в собственность отца, за исключением военного пекулия (*peculium castrense* — имущества, приобретенного сыном на военной службе). Военный пекулий и весь доход с него поступал в полное распоряжение сына. При Константине был установлен новый вид пекулия — *peculium quasi castrense*, включавший все имущество, приобретенное сыном сначала на придворной и гражданской, позднее и на церковной службе³⁶.

Юстиниан пошел еще дальше по пути юридического оформления прав подвластных отцу детей на приобретенное или полученное ими по наследству имущество.

Отныне в случае смерти сына, не оставившего завещания, его *peculium castrense*, а также и *peculium quasi castrense* переходило к прямым наследникам умершего «по праву наследования» против завещания (*ab intestato*). Ранее же это имущество становилось собственностью домовладыки³⁷.

³¹ О семейном праве римлян см.: Ю. Барон. Система римского гражданского права, вып. IV, кн. 5. Семейственное право. СПб., 1908; Е. В. Пассек. История римского права, ч. IV. Семейное право. Юрьев, 1910; Г. Дербург. Пандекты, г. III, кв. 4—5. Семейственное и наследственное право. СПб., 1911; Г. Ф. Дорминдонтов. Система римского права. Семейное право. Казань, 1915; F. M. de Robertis. La condizione e gli impedimenti al matrimonio nel Basso impero. — «Annali della Facoltà Giuridica Università di Bari», № 32, 1939; R. Orestano. La struttura giuridica del matrimonio romano dal diritto classico al diritto giustiniano, I. Milano, 1951; J. Gaudemet. Les transformations de la vie familiale au Bas-Empire et l'influence du christianisme. — «Romanitas», 4, 1962.

³² В. М. Хвостов. Система римского права, IV. Семейное право. М., 1907; Ф. Шенвиг. Власть римского домовладыки. Варшава, 1914.

³³ CTh, V, 8.1; CJ, IV, 43.2 (anno 329).

³⁴ Inst. Just., 4.8, § 7.

³⁵ Dig., I, 6.9.

³⁶ CJ, I, 3.33; VI, 61.7; XII, 30.31; Nov. Just., 123, c. 19.

³⁷ Nov. Just., 118, c. 1; Inst. Just., 2.12, praef.

Дети теперь получали законные права на все имущество, приобретенное с материнской стороны (*bona adventitia*). Отец же семейства сохранял на него лишь право временного пользования (*узуфрукта*) и возможность управления имением³⁸.

Позднее к детям по закону стали переходить все подарки, сделанные матерью и ее родственниками, а также и предбрачный дар жениха (*donatio ante nuptias*).

В законодательстве Юстиниана была завершена эмансипация имущества детей от деспотической власти отца. Было покончено со старым принципом классического римского права, даровавшего отцу по существу неограниченные возможности распоряжения всей собственностью членом семьи.

Согласно предписанию Юстиниана, подвластный сын мог теперь приобрести все имущество в свою личную собственность, за исключением лишь тех вещей, которые он купил на средства отца³⁹. Более того, все накопленное подвластным сыном имущество отныне переходило к его законным наследникам, глава же семьи сохранял на него лишь право *узуфрукта* и управления.

Постепенно облегчается освобождение детей от власти отца: сын становится свободным от нее при занятии высоких государственных должностей, связанных с получением звания патриция, по достижении сана епископа⁴⁰.

Законом предусматриваются случаи освобождения подвластных детей как мера наказания отца за преступления против своего потомства. Если отец выбросит из дома малых детей и оставит их без помощи⁴¹ или если он займется сводничеством своих дочерей⁴², он теряет над ними отцовскую власть. Подобное же наказание отец несет и за вступление в кровосмесительный брак⁴³.

В свою очередь и сын за проявление неблагодарности в отношении своего отца мог по закону вновь потерять свободу и быть возвращенным под власть домовладыки⁴⁴.

При Юстиниане изменяются также и формы эмансипации подвластных детей. Наиболее распространенным способом освобождения в VI в. становится издание особого рескрипта императора⁴⁵ или утверждение отпуска на свободу в суде, после рассмотрения формального заявления домовладыки⁴⁶.

Итак, к VI в. в результате длительной эволюции разрушаются устои древнеримской фамилии, ослабевают власть домовладыки. Семья из патриархального объединения превращается в союз, члены которого несут взаимные обязанности и имеют взаимные права.

Были окончательно сломаны замкнутые рамки фамилии, мешавшие развитию экономических связей, передвижению собственности, деловой предприимчивости подвластных сыновей, стеснявшие свободу производительной деятельности в римском обществе.

В семейноправовой сфере, как и в отношениях собственности, происходит во многом аналогичный процесс освобождения хозяйственной ини-

³⁸ CJ, VI, 61.6.8; Inst. Just., 2.9, § 1.

³⁹ CJ, VI, 61.6.8; Inst. Just., 2.9, § 1.

⁴⁰ CJ, X, 31.66; XII, 3.5; Inst. Just., 1.12, § 4.

⁴¹ CJ, VIII, 51.2.

⁴² CJ, I, 4.12; XI, 41.6.

⁴³ Nov. Just., 12, c. 2.

⁴⁴ CJ, VIII, 49.1.

⁴⁵ CJ, VIII, 48.5.

⁴⁶ CJ, VIII, 48.6.

циативы членов семьи от пут сложных и уже устаревших ограничений, существовавших в древнеримской фамилии.

К VI в. была, наконец, упразднена и исключительная власть домовладыки над юридически свободными, но фактически зависимыми от него людьми (*mancipatio*). Она была заменена иными формами зависимости, выходящими за узкие рамки фамилии⁴⁷.

Менее всего была ограничена при Юстиниане власть домовладыки по отношению к рабам, входившим в фамилию. Но и в этой сфере по мере разложения рабства власть господина над рабом все более становится властью над лицом, а не над вещью⁴⁸. Расширялась сфера хозяйственной деятельности рабов, им давалась возможность заключать деловые контракты, которые получали правовую защиту в виде натуральных обязательств⁴⁹. Деятельность раба отныне также выходит за рамки старой рабской фамилии и отношений внутри нее.

Исчезновение родовой собственности и родовых связей, разложение древнеримской фамилии, основанной на агнатском родстве, имело реальным следствием вытеснение агнатского родства когнатским. К VI в. когнатское родство получает явное и неоспоримое преобладание в семейноправовой сфере.

Наиболее ярко это проявилось в проведенной Юстинианом реформе права наследования. Этой реформой была окончательно подорвана старая система наследования, основанная на агнатском родстве. Среди наследников на первое место были выдвинуты когнаты. Юстинианом был установлен новый порядок наследования «против завещания» (*ab intestato*). Родство по мужской и женской линии теперь давало равные права на наследство, агнаты не имели никаких преимуществ перед когнатами, мужчины перед женщинами. Права матери на наследство считались бесспорными и не зависели от *jus liberorum*; дочери или сестры признавались наследниками ранее агнатов. Наследники разделялись соответственно на четыре класса, исключаящие друг друга. В первый класс входили все родственники обоего пола по нисходящей линии, во второй — все родственники по восходящей линии, а также полнородные братья и сестры и их дети; в третий — неполнородные братья и сестры и их потомство; в четвертый — остальные родственники по боковым линиям⁵⁰. После всех указанных наследников наследство передавалось пережившему другому супругу⁵¹, бедная вдова всегда имела право на 1/4 часть наследства⁵².

Ослабление значения агнатского родства в VI в. проявилось и при установлении опеки над малолетними, умалишенными, больными, мотами. Согласно Новелле Юстиниана от 543 г. теперь к законной опеке над указанными лицами допускались наряду с агнатами и когнаты⁵³.

Нововведения в законодательстве Юстиниана, касающиеся прав наследования, были направлены в первую очередь на обеспечение интере-

⁴⁷ См. В. М. Хвостов. Система римского права, IV, стр. 1; Л. Таль. Наем труда свободных лиц в римском праве. — ЖМНП, 1912, февраль, отд. II, стр. 209—257.

⁴⁸ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 118—151.

⁴⁹ В. М. Хвостов. Натуральные обязательства по римскому праву. М., 1898, стр. 63—169 (натуральные обязательства раба); Б. Бауффал. *Obligatio naturalis* в римском праве. Варшава, 1898.

⁵⁰ Nov. Just., 118 (anno 543); 127 (anno 548).

⁵¹ CJ, VI, 13.1; Dig., XXXVIII, 11.1.

⁵² Nov. Just., 53, с. 6; 117, с. 5.

⁵³ Nov. Just., 118, с. 5.

сов законных детей, а отнюдь не на сохранение имущества в агнатской семье, как было ранее.

С этой целью в юридической науке VI в. была разработана целая система ограничений произвола главы семьи при составлении завещаний, Отец семейства не мог уже по своей злой воле, без законных оснований лишить наследства прямых наследников. Он имел возможность отказать детям или внукам в наследстве только в том случае, если они были виновны в одном из следующих преступлений: 1) подняли руку на родителей или нанесли им тяжкое оскорбление; 2) обвинили родителей без основания в уголовных или государственных преступлениях; 3) злоумышляли против жизни родителей и пытались их убить; 4) отказались выкупить отца из долговой тюрьмы или из плена; 5) впали в ересь; 6) вели безнравственный образ жизни и вступили без разрешения родителей в брак, не достигнув еще 25-летнего возраста. Отец мог лишить сына наследства, если тот вступит в связь с конкубиной отца⁵⁴.

Лишение наследников наследства без достаточных оснований приводило к отмене законности завещания. В подобных обстоятельствах объявлялось наследование *ab intestato*⁵⁵.

Все родственники по восходящей и нисходящей линии теперь были обязаны не только оставлять друг другу строго установленную законом долю наследства, но и назначать друг друга в завещании формальными наследниками, что было связано с передачей им всех вытекающих из наследования прав и обязанностей.

С той же целью ограждения интересов законных детей от произвола завещателя в законодательстве Юстиниана был увеличен размер обязательной доли наследства, которая должна быть выделена в завещании главой семьи в пользу его прямых наследников.

Новеллой Юстиниана от 543 г. предписывалось, что эта обязательная доля должна отныне составлять не менее одной трети имущества, которую дети получили бы *ab intestato* (а она обычно была не меньше четвертой части всего наследства)⁵⁶.

Вместе с тем Юстиниан отменил освобождение обязательной доли наследства от легатов и предоставил завещателю самому решать вопрос о легатах и фидеикомиссах⁵⁷.

К VI в. изменяется сущность и цель установления опеки; если в классическом римском праве опека назначалась с целью сохранения имущества в роде или древнеримской фамилии, то ныне основной задачей опеки стала охрана интересов слабой стороны, не имеющей возможности себя защитить. В первую очередь имелась в виду защита прав и имущества осиротевших детей^{57a}.

Поэтому начиная с IV в. в законодательство империи вводятся ограничения произвола опекунов. Видное место в гражданском праве теперь занимают меры, принимаемые к охране имущества опекаемых от возможных злоупотреблений опекунов и попечителей (кураторов).

Важнейшей из этих мер было запрещение опекуном отчуждать имущество опекаемого. Опекуну разрешалось только обращать деньги подо-

⁵⁴ Nov. Just., 115, с. 3, § 1—14 (anno 542).

⁵⁵ Nov. Just., 115, с. 3—4. Легаты, назначенные завещанием, остаются в силе. См. И. А. Кистяковский. Долговая ответственность наследника в римском праве. — КУИ, 1900, май-июнь, стр. 1104.

⁵⁶ Nov. Just., 118, с. 5.

⁵⁷ Nov. Just., 1, с. 2, § 2. Легаты были объединены с фидеикомиссами. См. Г. Блюменфельд. К истории фамильного фидеикомисса в римском и византийском праве. СПб., 1912 («Журнал Министерства юстиции», 1912, март-апрель).

^{57a} Nov. Just., 118, с. 5. См. F. Bossowski. Die Novelle 118 Justinians und deren Vorgeschichte. Weimar, 1939.

печного на покупку недвижимости, а при невозможности приобретения на них земли — отдавать их в рост под выгодные проценты. Вся хозяйственная деятельность опекуна или куратора должна быть направлена на преумножение имущества беззащитных сирот⁵⁸.

Таким образом, семейное и наследственное право в VI в. все больше и больше ставит своей целью защиту интересов кровных родственников — когнатов, в первую очередь имущества законных детей.

Постепенно меняются и этические взгляды общества, семья все чаще рассматривается как ячейка, объединяющая тесными узами кровных родственников по прямой линии, а не как фамилия, подчиненная власти домовладыки.

Огромное влияние на семью оказала также эволюция политических отношений в империи. Серьезные изменения в учении о гражданском правосостоянии населения римского и византийского государства повлекли за собой и перемены в системе заключения браков. Пока существовало резкое деление населения на *cives Romani* и *non cives*, браки между полноправными гражданами и неполноправными лицами были запрещены⁵⁹.

В законодательстве Юстиниана с упразднением деления подданных империи на *cives* и *non cives* исчезает и запрещение заключать браки в зависимости от прав гражданства.

Правда, под влиянием новых общественных условий появляются и новые запреты при вступлении в брак. Например, в VI в. были запрещены законные браки между римлянами и варварами. Христианская церковь распространяет свою религиозную нетерпимость и на семейные отношения. Под ее влиянием при Юстиниане под запретом оказались браки между христианами и иудеями, а также приверженцами гонимых сект⁶⁰. Иными словами, на смену римской гражданской исключительности пришла христианская исключительность и религиозная нетерпимость, но со старыми ограничениями, обусловленными гражданским полноправием или неполноправием, было покончено.

Крупные перемены в сословно-классовом делении римского общества в VI в., естественно, должны были коснуться и семейно-правовых отношений.

В соответствии с основным делением обществ только на свободных или рабов, провозглашенным Юстинианом, этот император во многих своих новеллах проводит принцип допустимости браков между всеми свободными гражданами независимо от их сословного и общественного положения.

Первым шагом в сглаживании сословных различий в семейном праве явилось изменение в VI в. способов определения в спорных случаях законного брака или конкубината.

Со времен императоров Феодосия II и Валентиниана III существовала юридическая презумпция: если в сожительство вступают лица равного общественного положения, то в сомнительном случае предполагается брак между ними, а если люди различных сословий, — конкубинат⁶¹.

В Юстиниановом праве была проведена существенная реформа: презумпция о наличии законного брака отныне была распространена на

⁵⁸ СTh, III, 30.6; CJ, V, 37.22.24; Nov. Just., 72, с. 6—8.

⁵⁹ В. М. Хвостов. История римского права, стр. 398.

⁶⁰ CJ, I, 9.6. Такой брак считался *adulterium*.

⁶¹ CJ, V, 4.22; Dig., XXIII, 2.24; XXXIX, 5.31.

сожителство двух свободных лиц (*ingenuae personae*) без различия сословий⁶².

Другим важным нововведением Юстиниана, пробившим первую брешь в сословных перегородках того времени, было разрешение законного брака между сенаторами и женщинами низкого общественного положения (вольноотпущенницами, актрисами, дочерьми актеров и актрис). Ранее подобные браки категорически запрещались.

Новеллой Юстиниана от 542 г. устанавливалось, что для признания *de jure* брака сенатора или иллюстрия с женщиной низкого звания было достаточно согласия жениха и составления формального письменного контракта (*instrumentum nuptiale*), содержавшего назначение приданого (*dos*) и предбрачного дара (*donatio ante nuptias*)⁶³. Характерно, что подобные «неравные» браки были возможны лишь в том случае, если знатный человек сам желал «поднять до себя» женщину низкого звания; без желания вельможи никаких претензий на брак, естественно, такая женщина предъявлять не могла.

Таким образом, этот закон отнюдь не покушался на сословные привилегии высших классов современного Юстиниану общества и во главу угла ставил личную волю сенатора на заключение брака с женщиной низкого звания. Обычно в научной литературе этот законодательный акт Юстиниана объясняется его браком с Феодорой⁶⁴ и влиянием императрицы на законодателя. Однако такое объяснение явно недостаточно. Думается, что основную роль здесь сыграла политическая борьба правительства Юстиниана, опиравшегося на новых землевладельцев, торгово-ремесленные круги и ортодоксальное духовенство, против старой senatorской аристократии, а также авторитарные и деспотические стремления Юстиниана уравнивать все сословия перед лицом единого владыки — императора.

В законодательстве Юстиниана, однако, сохранились некоторые ограничения вступления в брак чисто политического характера. Наместникам провинций запрещалось жениться на девушках в той области, которой они управляли (исключение делалось лишь тогда, когда сам наместник был родом из этой же провинции или он был уже помолвлен до вступления в должность)⁶⁵. Целью издания этих запретов была борьба правительства против сепаратистских тенденций наместников провинций, ибо их женитьба на девушках из знатных и влиятельных провинциальных семей могла увеличить их влияние в провинции. С другой стороны, этим пресекалась возможность для наместника использовать свою власть для принуждения девушки к вступлению с ним в брак.

За политические преступления, особенно за оскорбление величества (*crimina laesae majestatis*), полагались самые суровые наказания, распространявшиеся и на сферу семейного права. «Бесчестие» отца всегда переходило на его детей. Имущество государственного преступника конфисковалось, а дети лишались гражданских прав. Жена могла немедленно расторгнуть с ним свои брачные узы⁶⁶.

⁶² CJ, V, 4.23, § 7.

⁶³ Nov. Just., 117, с. 6.

⁶⁴ Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908, стр. 267; F. Matteis. La condizione giuridica della donna nella legislazione di Giustiniano; il femminismo Giustiniano e l'influenza dell'imperatrice Theodora. Torino, 1912; Pinterović. Theodora, Kaiserin von Byzanz. Osijek, 1934.

⁶⁵ Dig., XXIII, 2.63.

⁶⁶ Однако пожизненное изгнание, связанное с древним обычаем — «запрещением воды и огня» (*interdictio aqua et igni*), теперь по предписанию Юстиниана не влекло за собой расторжения брака (Nov. Just., 22, с. 13).

Отнюдь не следует думать, что законодательство Юстиниана вообще ликвидировало сословные ограничения в семейном праве. Так, например, Юстиниан признает особое положение военного сословия и специфические трудности поддержания нормальных брачных отношений для воинов. Он изменяет закон, согласно которому жена, чей муж в течение четырех лет военной службы не прислал ей ни одного письма «или другого какого-либо знака любви», имела право на развод и вступление во второй брак. Законодатель встает на защиту воинов: «Ведь мужа, — пишет он, — занятого военными делами, лишать еще и жены является не меньшим наказанием, чем быть взятым в плен врагами». Поэтому условия развода для жен воинов усложняются: срок продлевается до пяти лет, кроме того, жена обязана настойчиво добиваться ответа от мужа, обращаясь по своему делу к высшему военному начальству, и только в случае официального отказа мужа от брака или его упорного молчания развод допускается. Но вторичный брак для разведенной женщины при этом возможен только с личного разрешения императора⁶⁷.

Уничтожая одни сословные перегородки, законодательство Юстиниана в то же время создавало новые сословные ограничения в семейноправовых отношениях.

Под влиянием христианской доктрины создавались ограничения для вступления в брак клириков. Клирики более высокого сана, чем чтец или певчий, за заключение брака лишались священнического звания. Для клириков низших рангов брак разрешался, но второй брак или брак при порочащих обстоятельствах закрывал им доступ к более высоким духовным должностям⁶⁸.

Особенно суровы были сословные запреты в отношении групп населения, стоявших на низшей ступени социальной лестницы.

Приписные колонны (адскрипции — энапографы) были существенно ограничены в брачных правах: они могли жениться только на женщинах своего сословия⁶⁹. Более того, Юстиниан потребовал, чтобы землевладельцы запретили на будущее время всем зависимым от них рустикам заключать браки даже с женщинами их звания, но живущими в имениях других господ. Постановление было вызвано частыми раздорами хозяев из-за потомства, рожденного от таких браков⁷⁰.

Жестoko преследовались браки между адскрипциями и свободными людьми. Новелла Юстиниана гласила: «Чужому приписному колону не разрешается жениться на свободной (женщине) ни при неведении господина, ни с его ведома, ни с его согласия»⁷¹. Такой брак считался незаконным. Приписной колон, нарушивший закон, подвергался наказанию палками и штрафу, а свободная женщина должна быть с ним разлучена⁷².

Относительно семейноправового статуса рабов законодательство Юстиниана несколько противоречиво.

С одной стороны, намечаются тенденции к некоторому смягчению прежних крайне суровых запретов, налагаемых на рабов в семейноправовой сфере. Так, Юстиниан отменил жестокое предписание классического

⁶⁷ Nov. Just., 22, c. 14.

⁶⁸ Nov. Just., 22, c. 42.

⁶⁹ Nov. Just., 157, c. 1.

⁷⁰ Nov. Just., 157, praef.

⁷¹ Nov. Just., 22, c. 17. Ср. «Adscriptio vero alieno liberam ducere non licet nec ignorante, nec sciente, nec consentiente domino» (CJ, XI, 48.24).

⁷² Nov. Just., 22, c. 17. В кодексе Юстиниана говорится о возврате оригинарии (со всем потомством), вышедшей замуж за свободного (CJ, XI, 48.16), в имение господина.

права, согласно которому свободная женщина за связь с рабом сама обращалась в рабство⁷³. Были приняты законодательные меры против отдачи господами рабынь для проституции⁷⁴. Несколько улучшен был статус потомства, рожденного от смешанных браков рабов и различных категорий зависимых людей, а также свободных лиц⁷⁵.

С другой стороны, браки между свободными и рабами по-прежнему запрещались. Обращение одного из супругов в рабство рассматривалось как абсолютно бесспорная причина расторжения брака. Подобно смерти, неравенство положений разрывало брачные узы.

Если вольноотпущенник или вольноотпущенница по решению суда были вновь возвращены в рабство, то их брак со свободным лицом, даже заключенный ранее, считался расторгнутым, словно одного из них постигла смерть⁷⁶. Коль скоро какой-либо свободный человек ошибочно полагал, что женился на свободной женщине, а она оказалась рабыней, то закон считал их брак несостоявшимся со всеми вытекающими для родившихся детей тягостными последствиями⁷⁷.

В этих рескриптах императора явно проявляется общая тенденция законодательства VI в. оградить прежде всего права свободных граждан. С этим согласуются и другие нововведения Юстиниана.

Отменив обращение в рабство преступников, осужденных на временные каторжные работы в рудниках, он тем самым сохранил в силе законность их браков со свободными людьми⁷⁸.

В случае, когда муж или жена были захвачены в плен врагами и обращены в рабство, «неравенство положения не позволяло сохраняться равенству брака». Если супруг, оставшийся в империи, не имел никаких известий о пленном и в течении пяти лет не было подтверждено, что пленный еще жив, то супруг, сохранивший свободу, мог вступить во второй брак⁷⁹.

Одновременно законодательство пресекало возможные злоупотребления рабовладельцев, которые пытались использовать в корыстных целях семейные отношения своих рабов. Так, например, если господин для извлечения выгоды дал согласие на брак своего раба или рабыни со свободным человеком, скрыв их рабское состояние, то подобный брак признавался действительным, а раб или рабыня получали свободу⁸⁰.

Законодательством ныне проводится принцип: если господин не заботится о своем рабе, то он фактически теряет на него свои права. Так, в случае, когда господин бросит на произвол судьбы больного раба или рабыню, а они будут жить на свободе и заключат браки со свободными лицами, то хозяин не может вновь обратить их в рабство и их браки признаются законными⁸¹.

Вместе с тем преследуются и проступки рабов, злоупотреблявших своим влиянием на господ.

Если господин, безумно любя свою рабыню, отпустил ее на свободу и даже женился на ней, то всякие проявления неблагодарности с ее стороны сурово наказываются. В случае, если после смерти господина она

⁷³ CJ, VII, 24.1.1.

⁷⁴ CJ, IV, 56.1—3.

⁷⁵ О семейно-правовом статусе рабов в VI в. см. Э. В. Удальцова. Положение рабов в Византии в VI в., стр. 25—27.

⁷⁶ Nov. Just., 22, с. 9.

⁷⁷ Nov. Just., 22, с. 10.

⁷⁸ Nov. Just., 22, с. 8.

⁷⁹ Nov. Just., 22, с. 7.

⁸⁰ Nov. Just., 22, с. 11.

⁸¹ Nov. Just., 22, с. 12.

вела развратный образ жизни и вступила во второй брак, то этот новый союз считается адюльтером⁸².

Все эти предписания относительно семейного положения рабов лишней раз свидетельствуют об острой борьбе старых и новых тенденций в законодательстве Юстиниана.

Под влиянием изменившихся этических норм и под воздействием христианской морали к VI в. начинают меняться взгляды общества на брак и безбрачие. Если в римском классическом праве безбрачие осуждалось, брак же рассматривался в первую очередь как союз для рождения и воспитания детей, а на бездетных налагались высокие штрафы⁸³, то христианская церковь всячески восхваляла безбрачие как проявление высшего целомудрия и приверженности религиозной морали.

Эти новые для римского общества воззрения стали проникать и в законодательство Юстиниана. Хотя брак признавался союзом, освященным христианской религией, но меры, препятствующие вступлению в брак, поощрялись. Среди них на первый план выдвигалось пострижение в монахи, различие веры⁸⁴. Расширялся круг родственников и свойственников, которым запрещалось заключать между собою браки⁸⁵. Объявлялся недействительным брак между похитителем и похищенной девушкой, вдовой или монахиней даже при наличии ее согласия вступить в брак с похитителем⁸⁶. Был запрещен брак между опекуном и опекаемой до достижения ею совершеннолетия⁸⁷; исключался брачный союз между сообщниками в прелюбдеянии⁸⁸. За нарушение этих запретов устанавливались суровые наказания.

Христианская религия строго осуждала развод и вторичные браки. Если по воззрениям классического римского права развод был совершенно свободен, то в законодательстве Юстиниана он допускался лишь в чрезвычайных случаях. Законными основаниями для одностороннего расторжения брака считались смерть одного из супругов⁸⁹, потеря свободы⁹⁰, плен⁹¹, неспособность супруга к выполнению супружеских обязанностей⁹², поступление в монастырь. При этом принятие монашеского сана и избрание вместо брака «чистой, аскетической жизни» восхвалялось⁹³.

Все эти «достойные» (*bona gratia*) причины расторжения брака не приводили к признанию вины одного из супругов и их бесчестию. Одновременно Юстиниан категорически запретил существовавший ранее развод по взаимному соглашению супругов (*divortium communi consensu*); исключение делалось лишь в случае поступления в монастырь мужа или жены⁹⁴. Этот закон, видимо, вызвал недовольство и был отменен уже Юстином II в 566 г.⁹⁵

⁸² Nov. Just., 22, с. 37.

⁸³ М. М. Покровский. Очерки по римской истории и литературе, гл. II. К истории брачного законодательства Августа (*Leges Juliae de adulteriis*). СПб., 1907.

⁸⁴ CJ, I, 9.6.

⁸⁵ Inst. Just., 1.10, § 10.

⁸⁶ CJ, IX, 13.1, § 2.

⁸⁷ Dig., XXIII, 2.59.60 (25 или 26 лет).

⁸⁸ Dig., XLVIII, 5.41, praef.

⁸⁹ Nov. Just., 22, с. 4.

⁹⁰ Nov. Just., 22, с. 9, 10.

⁹¹ Nov. Just., 22, с. 7.

⁹² Nov. Just., 22, с. 6.

⁹³ Nov. Just., 22, с. 5.

⁹⁴ Nov. Just., 117, с. 10.

⁹⁵ Nov. Just., 140.

Односторонний развод (*repudium*) по вине одного из супругов хотя и разрешался, но влек за собой для виновной стороны тяжелые последствия. Жена могла возбудить дело о разводе, если муж был виновен в каком-либо из следующих преступлений: прелюбодеяние, человекоубийство, отравительство, колдовство, государственная измена, осквернение могил и храмов, грабеж, укрытие разбойников и угонщиков скота, похищение людей, оскорбление целомудрия нравственных женщин, покушение на жизнь жены, избивание жены бичом⁹⁶.

Точно так же муж мог дать жене развод и изгнать ее из своего дома, если она обвинялась в прелюбодеянии, отравительстве, человекоубийстве, святотатстве, соучастии в грабежах разбойников, отказе без причины от выполнения супружеских обязанностей, участии в пирах с чужими людьми без разрешения мужа и без присутствия родственников, в необузданном увлечении без согласия мужа конными ристаниями, цирковыми и театральными зрелищами, в покушении на жизнь мужа или только угрозе убить его, злоумышлении насильственного захвата власти и соучастии в государственной измене, в поднятии руки на мужа⁹⁷. Кроме того, Юстинианом были добавлены еще такие проступки жены, влекущие за собой развод, как аборт без ведома мужа, лишивший его надежды на детей, разврат и сговор при жизни мужа о браке с другим лицом⁹⁸.

Было значительно затруднено вступление во второй брак и усилены невыгодные его последствия. Согласно Новелле Юстиниана родитель, вступивший во второй брак (*parens binubus*), теряет в пользу детей от первого брака права на имущество, полученное от покойного супруга (*dos u donatio ante nuptias*).

Запрещалось завещать новому супругу большую часть наследства, чем детям от расторгнутого брака⁹⁹.

После развода мужу разрешалось тотчас вступить во второй брак, жена же для выполнения нравственных норм и предотвращения возможного кровосмешения должна была соблюсти траурный год¹⁰⁰. Если же при разводе была установлена вина жены, то ей предписывалось не вступать в новый брак в течение пяти лет¹⁰¹.

За прелюбодеяние как уголовное преступление при Константине была установлена смертная казнь. При Юстиниане закон был смягчен: жена наказывалась ссылкой в монастырь, а ее сообщник — смертной казнью; имущество обоих преступников конфисковалось в пользу государства, монастыря или родственников¹⁰².

Двоеженство (*stirpium*) наказывалось смертной казнью, если только виновные знали о своей вине.

Принятие суровых мер против развода, второго брака и для укрепления законной семьи имели целью, по словам законодателя, прежде всего защиту интересов детей, рожденных в законном браке.

Христианская мораль решительно осуждала конкубинат как позорную, незаконную связь. Но сама жизнь заставляла церковь считаться с этим неизбежным злом. Подобные этические нормы проникали и в законодательство VI в.

⁹⁶ Nov. Just., 22, c. 15, § 1.

⁹⁷ Nov. Just., 22, c. 15, § 2.

⁹⁸ Nov. Just., 22, c. 16, § 1.

⁹⁹ Nov. Just., 22, c. 21. О последствиях второго брака и нарушения женщиной траурного года см. В. М. Хвостов. Система римского права, IV, стр. 27—29.

¹⁰⁰ Nov. Just., 22, c. 16, praef.

¹⁰¹ Nov. Just., 22, c. 15, § 3.

¹⁰² Nov. Just., 117, c. 8; 134, c. 10.

Наиболее важной проблемой для законодателя была судьба незаконных детей (*liberi naturales*), рожденных от конкубины. Юстиниан разрешил производить узаконение (*legitimatio*) незаконных детей тремя способами: 1) путем вступления их отца в законный брак с их матерью (*per subsequens matrimonium*)¹⁰³; 2) путем издания рескрипта императора (*per rescriptum principis*) при отсутствии законных детей у отца¹⁰⁴; путем зачисления детей от конкубины в сословие декурионов родного города и предоставления им достаточного количества земли (*per curiae oblationem*)¹⁰⁵. Детям от конкубины было дано право требовать алименты от обоих родителей, в то время как дети, рожденные от случайных связей, могли претендовать только на алименты от матери и ее родственников по восходящей линии¹⁰⁶.

При отсутствии законных жены и детей дети от конкубины могли получить от своего отца шестую часть имущества «против завещания», (*ab intestato*), но должны были при этом отдать равную долю наследства, своей матери¹⁰⁷. При наличии законных детей разрешается оставлять по завещанию детям от конкубины и ей самой не более $\frac{1}{12}$ части наследства всем вместе и не более $\frac{1}{24}$ части — одной конкубине¹⁰⁸.

В Юстиниановом законодательстве были обобщены те длительные изменения в семейноправовом положении женщины, которые привели к существенному расширению ее прав в гражданскоправовой сфере и улучшению положения в семье и обществе. Это сказалось прежде всего в исчезновении при Юстиниане старинного римского брака *cum manu mariti*, когда женщина после брака оказывалась полностью под властью мужа¹⁰⁹. Смягчением брачного права в пользу женщины было запрещение мужу прогонять свою жену только за то, что она была бесприданница¹¹⁰. Теперь жена была *persona sui juris* и имела юридические права.

Был торжественно провозглашен принцип равноправия мужа и жены¹¹¹. Муж должен был охранять жену, жена же была обязана почитать мужа и оказывать ему услуги¹¹². Муж, как покровитель жены, мог вести за нее процессы в суде¹¹³, и обида, нанесенная жене, являлась оскорблением мужа¹¹⁴. Супруги не могли вчинять друг против друга позорящие иски¹¹⁵; их нельзя было заставлять свидетельствовать друг против друга¹¹⁶.

Если в классическом праве женщина не допускалась к опеке, то при Юстиниане ей впервые было дозволено сделаться опекуной малолетних (*impubes*). К опеке допускалась мать или бабка, если в завещании отца не был назначен другой опекун. При этом женщина-опекушка должна

¹⁰³ Nov. Just., 74, praef. 89; CJ, V, 27.10.11.

¹⁰⁴ Nov. Just., 74, praef., с. 1—2; 89, с. 9—11; В. В. Карпека. Пассивная легитимация и *rei vindicatio* классического римского права. Киев, 1915.

¹⁰⁵ Nov. Just., 89, с. 2—4; Inst. Just., I, 10, § 13; CJ, V, 27.3.4.9.

¹⁰⁶ Nov. Just., 89, с. 12, 13; 89, с. 15.

¹⁰⁷ Nov. Just., 18, с. 5; 89, с. 12.

¹⁰⁸ Nov. Just., 89, с. 12.

¹⁰⁹ При заключении брака *cum manu mariti* муж мог истребовать жену, покинувшую дом, при помощи иска, подобного виндикации, продать ее в кабалу (*in mancipium*), наложить наказание вплоть до смертной казни; все имущество жены, приобретенное до и после брака, являлось достоянием мужа.

¹¹⁰ Nov. Just., 22, с. 18.

¹¹¹ Dig., XLVII, 10.2.

¹¹² Dig., XXXVIII, 1.48.

¹¹³ CJ, II, 12.21.

¹¹⁴ Dig., XLVII, 10.18, § 2.

¹¹⁵ Dig., XXV, 2.2; CJ, V, 21.2.

¹¹⁶ Dig., XXII, 5.4.

была навсегда отказаться от вступления во второй брак¹¹⁷. Не исключена возможность, что в редактировании этого закона принимали участие юристы, прошедшие юридическую школу на Востоке: во всяком случае здесь сказалось влияние восточных правовых норм.

В VI в. улучшается правовой статус женщины в отношении наследования имущества. При наследовании *ab intestato* уравниваются права лиц обоего пола¹¹⁸. Устанавливаются одинаковые юридические нормы при лишении наследства (*exheredatio*) прямых наследников — как женщин, так и мужчин¹¹⁹. Делаются более прочными имущественные гарантии независимости положения женщины и ее детей в семье.

Отныне приданое жены может быть использовано преимущественно как обеспечение средств существования для детей, рожденных в законном браке. Согласно предписанию Юстиниана, изданному в 530 г., при разводе иск жены о возврате приданого переходил к ее детям и тем самым приобретал наследственный характер. В случае смерти жены или расторжения брака супруг был обязан возвратить приданое детям. Он мог удержать в свою пользу приданое только лишь тогда, когда при разводе была признана виновность жены¹²⁰.

Мужу запрещалось отчуждать земли, входившие в приданое жены, даже при наличии согласия с ее стороны¹²¹. Для того чтобы оградить имущество детей от растраты, была введена ипотека, жены на все имущество мужа¹²².

Важным обеспечением имущественных интересов жены и детей являлся институт предбрачного дара (*donatio ante nuptias*). Муж, его отец или дед были обязаны перед свадьбой дать невесте имущество, равноценное ее приданому¹²³. Предбрачный дар шел в фонд, гарантирующий обеспечение жены и детей на случай развода. Во время брака муж мог распоряжаться предбрачным даром, однако он был лишен права отчуждать земли, входящие в состав этого имущества¹²⁴. В случае расторжения брака по вине мужа *donatio ante nuptias* переходит к жене и ее детям¹²⁵; при прекращении брака иным способом только жена, имеющая детей, может требовать передачи ей предбрачного дара, причем собственность на него делится между женой и ее детьми¹²⁶. При разводе по вине жены предбрачный дар остается у мужа¹²⁷.

Юстиниан несколько видоизменил этот институт, разрешив мужу и его родным дарить жене имущество не только перед свадьбой, но и во

¹¹⁷ CJ, V, 35.2.3; Nov. Just., 22, c. 40; 94; 155; 118, c. 5.

¹¹⁸ CJ, VI, 4, § 20.

¹¹⁹ CJ, VI, 28.4; Inst. Just., 2.13, § 5. О приданом и распоряжении им во время брака и по его расторжении см. В. М. Хвостов. Система римского права. IV, стр. 10—24.

¹²⁰ Nov. Just., 97, c. 5; CJ, V, 13.1.

¹²¹ CJ, V, 13.1, § 15; Inst. Just., 2.8, praef.

¹²² CJ, V, 13.1, § 15. См. Л. М. Петражицкий. Деление дotalьных плодов по римскому праву. — КУИ, 1896, стр. 1—65.

¹²³ Nov. Just., 61, c. 4; CJ, V, 3.20; Nov. Just., 97, c. 1, 2. Дарение имущества супругами друг другу по римскому праву было запрещено. См. Б. В. Никольский. Дарения между супругами. СПб., 1903; его же. К истории дарений между супругами. — «Уз Юрьевского университета», 1915, № 7—11, стр. I—XXXIII, 1—521; П. Милиц. Об общности имущества между супругами (*lex rei sitae*). — «Журнал Министерства юстиции», 1912, № 9, стр. 223—224. О *donatio ante nuptias* см. В. М. Хвостов. Система римского права, IV, стр. 24—25; Г. Ф. Церетели. По поводу *donatio ante nuptias* в греческих папирусах. — ЖМНП, 1901, май, отд. V, стр. 63—75.

¹²⁴ Nov. Just., 61, c. 1.

¹²⁵ CJ, V, 17.8, § 5; Nov. Just., 117, c. 9, 13.

¹²⁶ Nov. Just., 97, c. 1; 127, c. 3.

¹²⁷ Nov. Just., 117, c. 8.

время брака. В связи с этим изменилось и наименование института: он стал называться не *donatio ante nuptias*, а *donatio propter nuptias*¹²⁸.

Итак, при Юстиниане законодательным путем были оформлены те разумные меры, которые выработали юридическая наука и практика в течение длительного времени для гарантии гражданских и имущественных прав женщины и ее детей.

Однако если значительно улучшалось положение женщины в сфере семейных отношений и прав наследования, то в области публичного права женщина по-прежнему остается абсолютно неспособной: она не допускается к занятию каких-либо государственных или гражданских должностей (*officia civilia vel publica*)¹²⁹, не может участвовать в общественной жизни.

Заканчивая обзор реформ Юстиниана в сфере семейного права, мы можем прийти к заключению, что в VI в. наблюдается бесспорный прогресс в семейноправовых отношениях римско-византийского общества. Рушатся устои старой *familia*, ее место занимает когнатская семья, окрепшая и получившая ныне сильную юридическую защиту. Охраняются законом имущественные права жены и детей, смягчается законодательство о незаконных детях, ломаются некоторые сословные перегородки. Вместе с тем не только сохраняются родимые пятна рабовладельческого общества в семейноправовых отношениях, но и создаются новые ограничения юрисдикции лиц из низших классов, показывающие социальную направленность законодательства Юстиниана.

III. ОТРАЖЕНИЕ КЛАССОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЮСТИНИАНА

(по данным уголовного права)

Классовая и политическая борьба, особенно обострившаяся в обстановке кризиса рабовладельческого общества, постоянных войн и жестоких политических столкновений, нашла свое отражение и в законодательстве VI в. Наиболее ярко это проявилось в сфере уголовного права.

Подобно гражданскому праву, уголовное законодательство прошло к VI в. длительный путь развития, хотя и не достигло такой степени совершенства, как гражданское. К этому времени юриспруденция в сфере уголовного права уже сделала значительные успехи, например, в разработке понятия и состава уголовного преступления. Было устранено смешение понятий преступления и греха, кровной мести, жреческого, сакрального суда и государственного наказания. Уголовное право теперь зиждется на идее государственного возмездия за зло, причиненное обществу. Развитие деспотической императорской власти и бюрократического государства приводит к тому, что интересы личности подчиняются всецело интересам государства — по принципу *salus rei publicae suprema lex est*.

К VI в. наблюдается развитие научной юридической мысли и в установлении составных элементов преступления. В уголовное право вводятся не известные древнеримской юрисдикции понятия об умысле, неосторожности, случайности, покушении, приготовлении к совершению преступления. Признается субъективный элемент в определении состава и тяжести преступления, сформулированы оттенки в понятии вины (*culpa*) — такие, как *culpa lata*, *culpa levissima*, *culpa dolo proxima*.

¹²⁸ CJ, V, 3.26; Inst. Just., 2.7, § 3; Nov. Just., 61, c. 1.

¹²⁹ Inst. Just., I, 17.2; Dig., XXVI, 1.18; XLVII, 23.6; XXVIII, 1.20, § 6.

Создается учение о так называемом вменении преступления в зависимости от возраста, душевных болезней, состояния аффекта¹.

Выясняется участие в преступлении в различных ролях: установление главных виновников (*auctores*), пособников (*consortes*) или попустителей. В своем стремлении разработать основные уголовноправовые понятия римские юристы, однако, остановились на полпути и сделали значительно меньше, чем в сфере гражданского права. Но и эти важные для своего времени выводы римских юристов в дальнейшем легли в основу разработки уголовного законодательства в странах романо-германского мира в эпоху средневековья и в новое время.

В нормах уголовного права, вошедших в состав *Corpus Juris Civilis* Юстиниана, с необычайной рельефностью и в большей степени, чем в сфере частноправовых отношений, сказались классовые и политические тенденции римского императорского законодательства, его социальная сущность.

В уголовном процессе² — как при определении состава преступления, так и при установлении меры наказания — проводилась резкая грань не только между свободными и рабами, но и между высшими классами общества (*honestiores*) и низшими сословиями (*humiliores*)³. В привилегированном положении находились также солдаты. Знатные граждане (*honestiores*) и воины за равные преступления подлежали меньшим наказаниям, чем лица из низших классов, а также люди, не принадлежащие к военному сословию⁴.

В отношении угнетенных классов римская карательная система в законодательстве Юстиниана отличалась необычайной жестокостью. Для человека низшего сословия в большинстве случаев за уголовное преступление наказанием служила смертная казнь. Основным фактором, определившим беспощадность карательной системы Юстинианова законодательства, был социальный: наличие рабства и резких сословных отличий между общественными группировками населения империи.

При этом для рабов и *humiliores* всегда устанавливались изощренно жестокие, унижительные кары. Так, наиболее распространенными видами смертной казни для рабов и *humiliores* были: распятие на кресте, иногда головою вниз, отдача для участия в гладиаторских боях (*damnationes ad ludum gladiatorum*), повешение, сожжение, отдача на съедение диким зверям (*damnatio ad bestias*), засечение до смерти розгами, заливание горла свинцом (по обычаю, пришедшему из Индии), четвертование и разрывание тела преступника на клочки⁵.

Для лиц из привилегированных классов применялась более «благородная» смертная казнь — через отсечение головы мечом. Но чаще всего за одинаковые преступления *honestiores* наказывались ссылкой на различные сроки или изгнанием, а рабы и *humiliores* — смертной казнью. Так, например, раб за изнасилование свободной девушки или вдовы

¹ А. П. Стоянов. Уголовное право Рима от древнейших времен до Юстиниана включительно. — ЗИХУ, № 3, 1895, стр. 99—130.

² Ф. Ф. Зелинский. Римский уголовный процесс. — В кн.: Цицерон. Полное собрание речей. Перев. В. А. Алексеева и Ф. Ф. Зелинского, т. I. СПб., 1901, стр. 755—764.

³ А. Р. Корсунский. *Honestiores* и *humiliores* в законодательных памятниках Римской империи. — ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90.

⁴ *Dig.*, XLVIII, 19 (*De poenis*).

⁵ А. П. Стоянов. Указ. соч., стр. 113. Правда, господам запрещалось отдавать по своему произволу собственных рабов на съедение диким зверям. По приговору же суда такая казнь для рабов практиковалась весьма часто (*Dig.*, XLVIII, 8.11, § 2).

приговаривался к смертной казни, а свободный за совершение насилия над чужой рабыней-девушкой лишь уплачивал (если он был богат) вознаграждение хозяину потерпевшей. Если же виновным был свободный бедняк, то за подобное преступление он предавался телесному наказанию — битью палками.

Рабы всегда сами (а не их господа) отвечали за уголовные преступления⁶. Как рабы, так и *humiliores* особенно жестоко наказывались за поджог и вооруженный мятеж; за это им грозило сожжение или распятие на кресте⁷. Разбойники (*latrones*), нападавшие на дома и виллы богачей, предавались смерти⁸. Рабы, не только покусившиеся на жизнь своего господина, но лишь замыслившие его убийство, сжигались⁹. Сожжение живым грозило и тому рабу, который слышал призывы своего господина о помощи, но не спас его¹⁰.

За похищение свободной женщины или девушки и за прелюбодеяние со свободной женщиной раб всегда подвергался смертной казни¹¹.

За другие, менее тяжкие преступления суд мог заменить смертную казнь рабам и *humiliores* каторжными работами в рудниках (*condemnatio in metallum, condemnatio in opus metalli, condemnatio in ministerium metalli*). Присуждение к каторге на вечные времена для свободного бедняка обычно было связано с потерей свободы. Преступники, приговоренные к пожизненной каторге, получали название *servi poenae* (рабы вследствие наказания)¹².

По предписанию Юстиниана, присуждение к каторге на определенный срок для свободных лиц не влекло за собой обращение в рабство¹³. Продажа в рабство за пределы империи как вид наказания за уголовные преступления в VI в. уже вышла из употребления. Ссылка на каторжные работы применялась исключительно к рабам и низшим слоям свободных (*humiliores*); лица из высших классов этому наказанию не подвергались.

Сохранялось в силе жестокое правило римского времени, что все свидетельские показания рабов давались только под пыткой. Судья не нес ответственности, если раб умирал во время пытки¹⁴. Из «Тайной истории» Прокопия мы видим, что при Юстиниане пытки рабов в судебных процессах оставались распространенным явлением¹⁵.

Таким образом, жестокость римской системы наказаний за уголовные преступления в VI в. объясняется уже не влиянием древних традиций кровной мести и сакральных наказаний, связанных с искупительными жертвами, а все более обостряющимися социальными противоречиями той эпохи.

Огромное влияние на уголовное законодательство оказала острейшая социально-политическая борьба в империи и рост императорского деспотизма. Недаром в *Corpus Juris civilis* Юстиниана, обобщившем императорские конституции по уголовному праву, самые суровые наказания пола-

⁶ Dig., XLIV, 7.14.

⁷ CJ, III, 41.4; Dig., XLVIII, 19.28, praef. *Capitalium poenarum fere isti gradus sunt: summum supplicium esse videtur ad furcam damnatio, item vivi crematio. Igni cremantur plerumque servi, qui salutem dominorum suorum insidiaverint, nonnquam etiam liberi plebei, et humiles personae* (Dig., XLVIII, 19.28, § 11).

⁸ Dig., XLVIII, 19.27.2.

⁹ Dig., XLVIII, 19.28.11.

¹⁰ Dig., XXIX, 5.14.

¹¹ Dig., 1.12.1, § 5; CJ, III, 51.5. См. З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 84—85.

¹² Dig., XLVIII, 19.17.

¹³ Nov. Just., 22, c. 9.

¹⁴ Dig., XLVIII, 18.17.

¹⁵ Прокоп., Н. а., VIII, 25. См. И. Е. Тимошенко. К истории судебной пытки. I. Взгляды древних на пытку. II. Пытка по римскому праву. Полтава, 1899.

гались за преступления политического характера. Страшным бичом для населения империи были законы об оскорблении величества. Они не только сохраняли свое значение при Юстиниане, но, судя по «Тайной истории» Прокопия, получили широчайшее применение. *Crimina laesae majestatis*, трактовавшиеся как государственная измена, занимали важнейшее место среди других уголовных преступлений в 48-й книге Дигест.

На основании высказываний римских юристов Ульпиана, Маркиана, Гермогениана, Папиниана, Сцевола, Сатурнина и конституций императоров компиляторами VI в. был создан печально знаменитый IV титул 28-й книги Дигест (*Ad legem Juliam majestatis*). Этот закон представлял чрезвычайную опасность для всех граждан римского, а затем византийского государства особенно потому, что он был сформулирован в столь общих, а порою и туманных выражениях, что давал широчайший простор произволу властей. В нем суммировались все преступления, которые рассматривались как государственная измена. К таковым принадлежали: вооруженное восстание в столице или в провинциях против императора, покушение на его жизнь, убийство магистров, подготовка захвата власти¹⁶, тайные сношения с врагами государства, помощь им во время войны¹⁷. Государственным преступником считался и тот, кто своими советами убедил правителя иностранной державы быть менее покорным римлянам, либо из-за чьих действий римская империя получила меньшее число заложников или добычи, нежели другое государство¹⁸. Смертная казнь грозила и за оскорбление статуй императора, причем нередко трудно было установить, нанесено ли повреждение статуям случайно или по злому умыслу¹⁹.

Закон об оскорблении величества был опасен для всех без исключения подданных императора, от самых знатных до бедняков. Обвинителями по политическим делам могли выступать даже лица, лишённые этого права (*qui jus accusandi non habent*): рабы, *famosi* — лица, опороженные каким-либо преступлением, женщины, по закону не обладавшие правом предъявлять публичные иски (*actiones populares*)²⁰.

Величайшая несправедливость закона об оскорблении величества состояла также и в том, что он допускал перенесение на детей ответственности за преступление родителей. Дети государственных преступников считались виновными в преступлении их родителей. Смерть лица, обвиненного в государственном преступлении, не погашала карательных последствий обвинения, даже если оно не было доказано. Наказанием за государственную измену всегда была смертная казнь и конфискация всего имущества²¹.

«Тайная история» Прокопия как нельзя лучше дает представление о применении на практике в правление Юстиниана грозного закона об оскорблении величества²².

Не менее ярко, чем в законодательстве о политических преступлениях, социальная сущность Юстинианова права сказалась и в законах, направленных против насилия. Их жестокость показывает необычайную напряженность социально-политической борьбы в империи, заставлявшую законодателей применять самые беспощадные меры для охраны

¹⁶ Dig., XLVIII, 4.1.

¹⁷ Dig., XLVIII, 4.2.

¹⁸ Dig., XLVIII, 4.3.4.

¹⁹ Dig., XLVIII, 4.5.6.

²⁰ Dig., XLVIII, 4.7.8.

²¹ Dig., XLVIII, 4.9—11.

²² P r o c o p., Н. а., XI, 35.

жизни и собственности представителей господствующих классов от «насилия» со стороны народных масс.

Особенно большое политическое значение имели предписания Дигест против преступлений, связанных с публичным насилием²³ (*Lex de vi publica*) в отличие от частного (*Lex de vi privata*)²⁴. Публичным насилием считалось преступление, совершенное с применением оружия и наносившее вред жизни и имущественным интересам граждан. Всякое вооруженное восстание, а также вооруженное нападение на дома или виллы знати приравнялось к публичному насилию и каралось смертной казнью²⁵. Виновен в *crimen vis publica* каждый, кто собрал в своем доме, на своем поле, на своей вилле больше оружия, чем следует иметь для охоты, путешествия, мореплавания. Обвинение в этом преступлении грозило и тому, кто соберет вооруженную толпу рабов или свободных лиц и поднимет восстание или даже будет только подстрекать к беспорядкам, кто устроит пожар, кто при помощи огня или меча силой захватит чье-либо имущество, изгонит хозяина из его дома, с поля, корабля. Под этот же закон попадали преступления, связанные с похищением и насилием над женщинами или мальчиками. Виновным в публичном насилии считался тот, кто явится в общественное место вооруженным. В менее важных случаях за совершение публичного насилия смертная казнь могла быть заменена изгнанием (*damnatao de vi publica aqua et igni interdicitur*)²⁶.

Всякие виды саморасправы, связанные с насилием, но без применения оружия и без угрозы для жизни потерпевшего, приравнялись к *crimen de vi privata* и наказывались конфискацией имущества, различными штрафами и лишением гражданской чести²⁷.

Социальный характер носили постановления Юстиниана, защищавшие от всякого насилия права собственников и владельцев²⁸. Законодатель требовал сурово наказывать всякое насильственное отнятие вещи у ее реального владельца. Так, если вещь отнята насильно у владельца даже ее собственником, то за самоуправство хозяин вещи должен вернуть ее владельцу и лишиться в его пользу своего права собственности. Если же насилие совершено не собственником вещи, то виновный обязан уплатить пострадавшему ее стоимость в деньгах и, кроме того, вернуть самую вещь²⁹.

Жестоки были наказания за посягательство на жизнь свободного человека. За его убийство (*homicidium*) карой была смертная казнь через отсечение головы или повешение с закрытием головы казненного³⁰. За убийство родителей и вообще лиц, близких по крови (*particidium*), полагалась особо страшная казнь: виновного зашивали в мешок вместе с гадами и отвратительными животными и топили в реке или в море³¹.

Начиная с IV в. произошли некоторые изменения и в законодательстве относительно убийства раба. Уже по закону императора Константина господин, убивший своего раба, наказывается как за совершение убийства (*homicidium*). В Кодекс Юстиниана был включен закон, категорически запрещающий убивать раба с преднамеренной целью. Допуска-

²³ Dig., XLVIII, 6.

²⁴ Dig., XLVIII, 7.

²⁵ Dig., XLVIII, 6.1.

²⁶ Dig., XLVIII, 6.2—10.

²⁷ Dig., XLVIII, 7.1—8.

²⁸ CJ, VIII, 4.7; Nov. Just., 52, с. 4; 60, с. 1; 134, с. 7; Dig., XLVIII, 7.7.

²⁹ CJ, VIII, 4.7. См. М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства «Василик». — ВВ, VI, 1953, стр. 72—87.

³⁰ Dig., XLVIII, 8.1—17.

³¹ Dig., XLVIII, 9.1—10.

лись, правда, и некоторые исключения. Так, если раб умирал во время наказания плетью или пребывания в темнице, то господин не нес никакой ответственности³². За убийство чужого раба свободный подвергался уголовному наказанию³³.

Большую опасность для общества в рабовладельческом мире представляли преступления, связанные с продажей или покупкой заведомо свободного человека с целью обращения его в рабство (*plagium*)³⁴. Продажа свободного наказывалась смертью³⁵. Закон предписывал в каждом сомнительном случае проводить тщательное расследование того, был ли продан в рабство беглый раб, выдававший себя за свободного человека, или свободнорожденный гражданин³⁶.

Тяжким преступлением в римском уголовном праве считалось нарушение супружеской верности — прелюбодеяние. В предписании Дигест по этому вопросу ярко проявляются сословные предрассудки того времени. Особенно сурово пресекались «позорные» связи между свободными людьми и рабами. За связь со знатной женщиной раб предавался сожжению. Отталкивающее впечатление производит продажа мужем жены для проституции (*lenocinium mariti*), показывающая всю глубину падения нравов той эпохи³⁷.

Рост коррупции привел к чрезвычайному распространению преступлений, связанных с различными подделками (*falsum*), вымогательствами (*heretundae*), хищением казенных денег (*peculatūs*)³⁸. Соккрытие истинных доходов от государственных сборщиков налогов с целью уменьшения размера взноса рассматривалось в римском праве как важное государственное преступление, караемое высоким штрафом³⁹. При дознании по этому делу разрешалось выслушивать показания рабов.

Итак, уголовное право по законодательству Юстиниана отличалось значительно большей реакционностью, чем гражданское. В нем с предельной ясностью сказались классовые и социальные предрассудки рабовладельческого общества: ненависть к рабам и свободным беднякам, императорский деспотизм и отсутствие какой-либо политической свободы. Большое влияние на уголовный суд оказывали социальные и политические условия жизни.

Уголовное судопроизводство особенно поражало своей классовой предвзятостью и несправедливостью; неправильное построение органов уголовного суда при смешении однородных функций законодательной, административной и судебной власти исключало какое-либо равенство граждан перед судом. По произволу императоров были фактически упразднены не только равенство сторон, но и судебная защита и строгая оценка судебных доказательств.

³² CJ, IX, 14.1. В законе сказано: «Если господин будет бить раба плетью... или заключит его в оковы и бросит в темницу... то пусть не опасается быть обвиненным в смерти раба. Однако своим правом пусть пользуется умеренно, в противном случае он стал бы убийцей человека, если преднамеренно убил его ударом палки или камня, или, пользуясь другим смертоносным оружием, нанеся ему рану или предписав его повесить, или ужасным приказанием привести его к гибели, или отравив сильно действующим ядом, а также если будет терзать тело жестокими пытками, резать железом ногти, жечь тело поднесенным огнем... или же будет подвергать мучительным истязаниям, вследствие которых человек умирает».

³³ CJ, III, 35.3. Если раб был изувечен или убит посторонним лицом, то виновный не только возмещал ущерб господину раба, но и привлекался к уголовной ответственности за убийство.

³⁴ Dig., XLVIII, 15.1—7.

³⁵ Dig., XLVIII, 15.1.

³⁶ Dig., XLVIII, 15.2.3.6.

³⁷ Dig., XLVIII, 5.29.

³⁸ Dig., XLVIII, 10.1—33; 11.1—9; 13.1—14.

³⁹ Dig., XLVIII, 12.2—3.

Неограниченный деспотизм и социальное неравенство исключали существование начал законности, справедливости и гуманности в уголовном процессе. Лицо, стоящее на низшей ступени социальной лестницы, не имело никаких гарантий в его отношениях к обвинительной власти и государству. Тираническое господство государства, попиравшего права и интересы отдельной человеческой личности, вторжение светской и духовной власти в дела совести и нравственности граждан, в интимную жизнь членов общества, необычайно жестокая карательная система, узаконение социального неравенства при установлении виновности и мер наказания — вот характерные отрицательные черты римского уголовного права, увековеченного в законодательстве Юстиниана.

IV. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЮСТИНИАНА И ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

С победой христианства, естественно, должно было все сильнее сказываться воздействие христианской церкви на различные сферы социально-политической жизни, в том числе и на законодательство Римской империи.

Влияние христианской идеологии и церковной организации в праве VI в. прослеживается по двум основным направлениям. С одной стороны, господствующая церковь в союзе с государственной властью стремится юридически закрепить свое экономическое и политическое благосостояние путем создания привилегированной земельной собственности церквей и монастырей¹. Ведя постоянную борьбу против своих политических и религиозных противников, церковь пытается оформить через законодательство подчиненное положение своих побежденных соперников, добиться признания их юридического неполноправия.

С другой стороны, в законодательстве VI в. отразились попытки церкви, чаще всего робкие и непоследовательные, внести в право некоторые меры, облегчающие положение свободной бедноты и зависимого населения, с целью найти поддержку среди широких народных масс империи².

В законодательстве Юстиниана местные церковные общины впервые признавались корпорациями. Они наделялись правами юридического лица и могли обладать собственным церковным имуществом (*bona ecclesiastica*). Духовенство добилось предоставления церковным организациям серьезных привилегий. Важнейшей среди них оказалась привилегия церкви быть наследником по завещанию любого лица (*testamenti factio passiva*)^{2a}. Именно это право обеспечило в дальнейшем быстрый рост церковных имуществ за счет пожертвований верующих. До того времени подобной привилегией пользовались лишь государство, а из корпораций — городские общины. Право приобретать имущество по завещанию имело особенно существенные последствия для монастырей.

Законодательство Юстиниана признавало за учреждениями, основанными с благотворительной целью (*pie causae*), статус юридического лица³. Больницы, богадельни, сиротские и странноприимные дома получали право на владение имуществом под надзором местного епископа. Любимой верующий как при жизни (*inter vivos*), так и на «случай смерти»

¹ П. П. Соколов. Церковно-имущественное право в Греко-Римской империи. Новгород, 1895; Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908, стр. 322—375.

² З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии VI в. — ВВ, XXIV, 1964, стр. 3—34.

^{2a} СЖ, I, 2.15—25.

³ Н. С. Суворов. Об юридических лицах по римскому праву. М., 1900.

(*mortis causa*) мог отдать свое имущество на создание подобного благотворительного учреждения. С юридической точки зрения, возник новый субъект права (отличный от корпорации), цель которого и порядок управления им устанавливались учредителем. Как правило, внутренний распорядок вновь созданного учреждения и условия его дальнейшего существования предписывались учредителем или епископом местной церковной общины⁴.

Важным фактором укрепления экономической мощи христианской церкви было запрещение Новеллами Юстиниана отсуждать церковные имущества⁵. Духовенство в дальнейшем использовало это предписание для создания замкнутого церковного землевладения.

Особенно показательна в этом отношении знаменитая VII Новелла Юстиниана от 535 г. Запрет отчуждать церковное имущество, введенный ранее императорами Львом и Анастасием лишь для константинопольской церкви, теперь был распространен на все церкви, монастыри и богоугодные заведения империи. Ареал действия закона был очень велик: он включал как столицу и соседние города, так и провинции — Восток, Иллирик, Египет, Ликаонию, Ликийю, Африку, а также западные области — «от древнего Рима до пределов океана». Действию закона подлежали церкви, находящиеся под властью патриарха Константинополя и под властью епископов и других патриархов.

Всеобъемлющий характер закона заставил Юстиниана издать его не на «отечественном» (т. е. латинском), а на понятном для большинства населения греческом языке. Закон запрещал отчуждать принадлежащее церковным организациям недвижимое имущество, как-то: дома, поля, сады, а также земледельческих рабов и государственную хлебную аннону. Отменялись все виды отчуждения: продажа, дарение, обмен, «вечная» аренда (*эмфитевсис*), отдача имущества в залог кредиторам⁶.

Старые сделки оставались в силе, ибо законодатель понимал затруднительность разбора огромного количества подобных судебных дел и документов. Но впредь всякое отчуждение церковного имущества сурово преследовалось.

Исключение было сделано только в пользу самого императора. Закон разрешал ему в случае необходимости и для блага государства производить обмен государственного имущества на церковное, но обязательно — к выгоде церкви. Взамен император должен был предоставить церкви равноценную или более дорогую вещь. Подобный обмен признается законным, и управляющие церковными имениями освобождаются от наказания. В законе проводится политическая идея главенства императора над церковью.

Забота о преумножении богатств церкви — первейший долг императора, но церковь должна постоянно помнить о его благодеяниях — такова мысль законодателя, выраженная, как всегда, в длинных и витиеватых фразах: «Немного отличается между собой священство и императорская власть, имущество церкви от имущества общественного и государственного, так как источником всех богатств церквей является щедрость императора»⁷. Именно он, как верховный собственник всего в империи, может

⁴ CJ, I, 2.13.15.19.23; I, 3.24, 28, 45, 48; Nov. Just., 131, 10 и 11. См. В. М. Хвостов. История римского права, стр. 397; В. Б. Ельяшевич. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. СПб., 1910, стр. 436 и сл.

⁵ Nov. Just., 7; 120.10; CJ, I, 2.21. Лишь в особых случаях для выкупа пленных и уплаты церковных долгов разрешалось отчуждение движимых *res sacrae* (Inst. Just., 2.1.8; CJ, I, 2.21; Nov. Just., 120, с. 10).

⁶ Nov. Just., 7, с. 1.

⁷ Nov. Just., 7, с. 2, § 1.

одарить церковь разнообразными благами, а для него «давать церквям без меры является лучшей мерой»⁸.

VII Новелла Юстиниана вводила очень суровые наказания за отчуждение церковного имущества. За продажу и покупку церковных имений всю полноту ответственности несли как покупатель, так и управляющий церковным учреждением, допустивший подобную сделку. Покупатель терял уплаченные деньги и возвращал церкви имущество со всеми полученными с него доходами. Никакого иска против церкви он вчинить не мог. Ему предоставлялось право лишь потребовать через суд возмещения убытков из имущества эконома, совершившего продажу церковной земли⁹.

В VII Новелле приводились примеры незаконной продажи целых монастырей частным лицам в Александрии и в других областях Египта. Закон предписывал закрытые монастыри восстановить, а все проданное их имущество вернуть. Покупатели же монастырских земель теряли покупную цену, а совершившие незаконную продажу возмещали им убытки¹⁰.

В случае дарения церковной собственности лицо, принявшее этот незаконный дар, не только его теряло, но, кроме того, должно было в виде штрафа¹¹ передать церкви другое равноценное имущество. При обмене лицо, совершившее эту сделку, теряло и то имущество, которое оно передало церкви, и то, которое получило за него в обмен. Но пострадавший мог вчинить иск против имущества управляющего, заключившего с ним незаконный договор¹². Кредитор, принявший в качестве залога дом, пригородный участок, поле, сад, аннону или сельских рабов церкви, терял в пользу церковного учреждения данные им в кредит деньги и возвращал ему заложенное имущество. Он сохранял опять-таки лишь право начать судебное дело против эконома, взявшего у него в кредит деньги под залог церковной собственности¹³.

В случае крайней необходимости церковным экономам разрешалось брать денежный заем, но под обеспечение общей ипотеки церковного имущества, а не специального заклада¹⁴. Закон запрещал отдавать в заклад священные сосуды и церковную утварь. Это разрешалось лишь в том случае, если эти деньги нужны были для выкупа пленных¹⁵.

VII Новелла преследовала всякие обходные пути, помогавшие нарушать запрет отчуждать церковное имущество. Так, не разрешалось добиваться особых прагматических санкций на приобретение того или иного церковного владения. За их издание квестору грозил штраф в 50 либр золота¹⁶. Особенно суровые наказания грозили всем экономам, начальникам богоугодных заведений, игуменам монастырей за нарушение закона 535 г. Если эконом или игумен приобретал в свою собственность что-либо из церковного имущества, он наказывался как за совершение святотатства¹⁷. Если эконом отчуждал церковное имущество, то лишался должности сана и должен был возместить из своих средств весь ущерб, причиненный церкви¹⁸.

⁸ Nov. Just., 7, c. 2, § 1.

⁹ Nov. Just., 7, c. 5, praef.

¹⁰ Nov. Just., 7, c. 11.

¹¹ Nov. Just., 7, c. 5, § 1.

¹² Nov. Just., 7, c. 5, § 2.

¹³ Nov. Just., 7, c. 6, praef.

¹⁴ Nov. Just., 7, c. 6, § 1.

¹⁵ Nov. Just., 7, c. 8.

¹⁶ Nov. Just., 7, c. 9.

¹⁷ Nov. Just., 7, c. 10.

¹⁸ Nov. Just., 7, praef.

Суровым наказанием подвергались и все клирики, знавшие об отчуждении церковного имущества, но не воспрепятствовавшие этому. Судебное преследование разрешалось возбуждать даже против самого епископа, потворствовавшего продаже церковных земель.

Тяжелые наказания ожидали и государственных магистратов, допустивших заключение сделок об отчуждении церковного имущества. Они лишались своей должности, сана, имущество подвергалось конфискации. Даже нотариусу, составившему акт об отчуждении земель церкви, грозило вечное изгнание¹⁹.

Экономам и игуменам не только запрещалось отчуждать имения церкви, но и приобретать для нее такие владения, которые не приносили дохода. Лица, продавшие церкви заброшенные и убыточные имения, теряли уплаченную за них сумму²⁰.

Законодательство Юстиниана всячески подчеркивало, что первейшей обязанностью епископов, игуменов, смотрителей богоугодных заведений было преумножение богатств церкви, повышение доходности ее имений, охрана имущества, поднятие ценности церковных земель. Церковная администрация несла всю ответственность за упадок имений церкви.

Ряд предписаний закона направлен на обеспечение материальных интересов церкви. Закон весьма скрупулезно формулирует выгодные для церкви условия долгосрочной аренды земли (эмфитевсиса), зданий (суперфиция) и узуфрукта на церковных землях.

Долгосрочная аренда в поместьях церковей и богоугодных заведений разрешалась лишь на следующих условиях: 1) арендный договор заключался только на срок жизни самого эмфитевта и его двух прямых наследников обоюбого пола (сына, дочери, внука, внучки, жены или мужа). К каким-либо другим наследникам эмфитевсис на церковных землях не переходит, и если эмфитевт не имеет прямых наследников, то аренда действительна только на срок его жизни. После смерти трех поколений эмфитевтов земля, сданная в аренду, вновь возвращается церкви²¹. Категорически запрещалось возобновлять арендный договор четвертому поколению эмфитевтов, ибо это превратило бы аренду в «вечную», что, по мнению законодателя, было бы равнозначно краже церковной земли²².

Важной привилегией церкви было установление выгодного для нее канона эмфитевтов. По закону долгосрочные арендаторы на императорских и частных землях получали скидку с обычного годового канона, равную шестой части общей суммы. Хотя эта скидка для эмфитевтов сохранялась в силе и на землях церкви, предписывалось исчислять ее с обычного в данной местности канона и не допускать его снижения. Кроме того, для дорогих пригородных участков церкви, приносящих более высокий доход, арендная плата эмфитевтов должна была исчисляться, исходя из среднего дохода за 20 лет, а не за один год. Духовенству давалось право менять размер канона (видимо, в сторону повышения) при замене эмфитевтов после смерти трех поколений арендаторов²³.

Если эмфитевт не платит канон церкви в течение двух лет (а не трех, как на землях светских землевладельцев), то управляющие церковным имуществом могут прогнать арендатора и наложить руку на землю и дом без опасения возмещения расходов, которые эмфитевт понес на мелиорацию участка. Если эмфитевт по нерадению ухудшил агротехнику арендованного земельного участка, привел в упадок снятый им дом, то он дол-

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Nov. Just., 7, c. 12.

²¹ Nov. Just., 7, c. 3, praef.

²² Nov. Just., 7, c. 3, § 2.

²³ Nov. Just., 7, c. 3, § 1.

жен за свой счет исправить причиненный вред и восстановить имение в прежнем виде. Эмфитевт и его наследники отвечают своим имуществом за всякий ущерб, нанесенный полученному в аренду от церкви земельному участку²⁴.

В законодательстве Юстиниана были оформлены привилегии церкви и в отношении суперфиция (аренда зданий) на церковных землях. Категорически запрещался суперфиций сроком более чем на три поколения арендаторов. Предписывалось тщательно определять справедливую плату за аренду здания, даже разрушенного. Для установления канона суперфициара лучшие строители и архитекторы данной области вместе с управляющими церковными имуществами и в присутствии самого епископа должны были лично осмотреть постройки и назначить выгодную для церкви, но вместе с тем справедливую арендную плату. После этого суперфициар и его наследники могли сооружать различные здания, используя при этом материал прежних построек. По прошествии срока аренды трех поколений воздвигнутые здания вновь возвращались церкви или богоугодному заведению²⁵.

VII Новелла Юстиниана устанавливала чрезвычайно выгодные для церкви условия предоставления узуфрукта на ее землях. Если узуфруктуар богат и владел недвижимым имуществом, он был обязан из своего имения взамен полученного в узуфрукт земельного участка дать церкви свой участок земли, приносящий равноценный доход. Передавая церкви землю, узуфруктуар фактически терял на нее право собственности. После его смерти или окончания срока узуфрукта церковной корпорации возвращался не только переданный в пользование земельный участок, но к ней окончательно переходило право собственности и на ту землю, которая была получена от узуфруктуара взамен предоставления узуфрукта²⁶. Таким образом, узуфрукт на церковных землях превратился в один из способов получения духовенством земель в собственность от состоятельных землевладельцев. Это было своего рода земельные пожертвования церкви, но отсроченные на определенный срок. Императорская власть широко поощряла пожертвования земли в пользу церкви. Так, Юстиниан предписал всем лицам, принимающим монашеский сан, отдавать свои имения церкви или какому-либо богоугодному заведению²⁷. Значительно была упрощена процедура передачи имущества в дар церкви.

Для поддержания престижа церкви императорская власть всячески поощряла благотворительную деятельность церковных учреждений. Особенно высоко ценилась деятельность духовенства по выкупу пленных и прокормлению бедняков. Дарение имущества верующими на благотворительные цели считалось богоугодным делом. В 538 г. особой Новеллой Юстиниан разрешил духовенству провинции Мезии продавать те участки земли, виноградники, дома, которые не приносили верного дохода, а были пожертвованы церкви на благотворительные нужды. Вырученные от продажи деньги должны были обращаться только на выкуп пленных или прокормление бедных²⁸.

Все эти рескрипты императора издавались по просьбам церковных иерархов. Они показывают упорную борьбу церкви за расширение своих привилегий. Законодательство Юстиниана заложило фундамент экономического благосостояния церкви в последующие века.

²⁴ Nov. Just., 7, c. 3, § 1.

²⁵ Nov. Just., 7, c. 3, § 2.

²⁶ Nov. Just., 7, c. 4.

²⁷ CJ, I, 3.41.47; ср. Nov. Just., 5.1—8.

²⁸ Nov. Just., 65.

В VI в. церковь добилась не менее важных политических уступок со стороны центрального правительства. Важнейшей из них было признание для духовенства особой, церковной юрисдикции. Верховным судьей всех духовных лиц отныне являлся их епископ. Светские суды не могли рассматривать дела клириков²⁹. Церковным иерархам, особенно епископам, предоставлялось право контроля над гражданской администрацией. В своей епархии, в своем городе епископ получал широкие судебные и административные полномочия, он контролировал светских магистратов, должен был выступать защитником интересов всех жителей области³⁰. Император, однако, оставлял за собой право самому вмешиваться не только в догматические споры церкви, но и устанавливать внутренний распорядок жизни духовенства, особенно монашества. Законодатель регламентировал правила избрания нового епископа³¹ и посвящения в духовный сан клириков³², порядок избрания игуменов монастырей и управляющих богоугодными учреждениями³³. Юстиниан заботился о строгости нравов клириков и монахов³⁴, санкционировал постоянный надзор высших иерархов за подчиненными им духовными лицами³⁵.

Вместе с тем церковь добилась полной поддержки государства в борьбе со своими политическими и религиозными противниками. Христианская церковь внесла в VI в. в законодательство дух вероисповедной нетерпимости и правовых ограничений в зависимости от религиозной принадлежности. В период господства римской религии многие языческие культы подвластных Риму народов пользовались значительной свободой. Лишь борьба язычества с христианством породила гонения против христиан и нетерпимость к сторонникам новой религии. После победы христианства ортодоксальное духовенство хотя на словах и провозгласило веротерпимость основным принципом государственной политики³⁶, на деле очень скоро начало жестокие преследования всех еретиков, язычников, евреев, вероотступников. Законодательство Юстиниана дает нам представление о чрезвычайно ожесточенной идейной и религиозной борьбе в империи в 30—40-х годов VI в. Под покровом религиозной борьбы достаточно четко прослеживаются социально-политические столкновения.

В правление Юстиниана мечта императора о создании единой империи на основе единой православной веры была очень далека от осуществления. В огромном государстве буквально кипели религиозные споры, существовало множество враждовавших между собой и несогласных с догматами православия еретических течений.

На Западе империи прочные корни пустило арианство. Долгое время оно пользовалось в варварских королевствах остготов, вестготов и вандалов привилегиями господствующей церкви. Арианская церковь обладала огромными богатствами и множеством приверженцев. В северной Африке, несмотря на гонения, сохраняли влияние донатисты и другие более радикальные религиозные секты. Ожесточенная религиозно-политическая и социальная борьба развернулась на востоке империи.

В восточных провинциях особенно опасными для византийского правительства были демократические религиозные секты, учение которых носило открыто бунтарский характер и было направлено как против господствующей церкви, так и государства в целом.

²⁹ CJ, I, 4.29; Nov. Just., 79; 123, с. 1—2.

³⁰ CJ, I, 4.1—34.

³¹ CJ, I, 3.41.47; Nov. Just., 123.

³² Nov. Just., 123.

³³ CJ, I, 3.41.46.

³⁴ CJ, I, 4.34; Nov. Just., 5, с. 3; 133.

³⁵ Nov. Just., 123, с. 10.

³⁶ Euseb., Hist. eccl., IX, 9; X, 5.

Наиболее революционно настроенными среди сектантов были манихеи, имевшие многочисленных сторонников в среде народных масс Малой Азии, а также монтанисты, учение которых находило прозелитов среди беднейшего крестьянства Фригии.

Несколько более умеренную социально-политическую позицию занимали несториане, учение которых имело последователей в Армении, Месопотамии, Осроене, а также монофиситы — самые сильные и самые многочисленные противники Халкидонского собора, создавшие влиятельные церковные организации в Египте, Сирии, Палестине, Месопотамии, Армении, в Сирийской пустыне и в самой столице. Как несториане, так и монофиситы объединяли отнюдь не только демократические слои населения: наряду с выходцами из народа в их среде большим влиянием пользовались богатые купцы и горожане крупных городов Востока, сепаратистски настроенные землевладельцы восточных провинций, многочисленное восточное монашество.

Под влиянием высшего ортодоксального духовенства Юстиниан возвел религиозную нетерпимость в государственную доктрину и провозгласил беспощадное искоренение ересей долгом совести всех православных подданных византийского государства³⁷. Между 527—528 гг. были изданы императорские законы против еретиков, язычников, евреев, вероотступников. Законодательство Римской империи еще никогда не знало таких суровых гонений на инакомыслящих и в таких масштабах.

Все еретические культы ставились вне закона, еретикам запрещалось иметь свою церковную организацию и церковную иерархию, совершать таинства крещения, брака, рукоположение в духовный сан³⁸. Был отдан приказ закрывать арианские храмы, еврейские и самаритянские синагоги, разрушать их или переделывать в православные церкви. Особенно беспощадно преследовались всякие «тайные сборища» еретиков. Император провозгласил, что «нелепо было бы позволять нечестивым совершение священных обрядов»³⁹.

Еретики ущемлялись в политических и имущественных правах. Доктрина Юстиниана, согласно которой «справедливо лишать земных благ тех, кто не поклоняется истинному богу»⁴⁰, нашла широкое применение в законодательстве и в жизненной практике. По приказу императора все еретики отстранялись от занятия общественных, государственных, военных и даже некоторых муниципальных должностей. Вводился строжайший контроль за государственными служащими: для поступления на государственную службу было необходимо, чтобы три уважаемых гражданина поклялись на евангелии и удостоверили, что претендент — не еретик, а исповедует ортодоксальную религию⁴¹. Все инакомыслящие, занимавшие какие-либо должности к моменту издания закона, немедленно увольнялись⁴². За ними сохранялись лишь наименее выгодные, связанные с повинностями и расходами должности куриалов и когорталов. Вероотступники хотя и могли нести должностные обязанности в куриях, но отнюдь не смели претендовать на какие-либо преимущества⁴³.

Еретикам запрещалось заниматься и свободными профессиями: они отстранялись от адвокатуры и от профессуры. Правительство особенно опасалось, «чтобы своим нечестивым преподаванием они не вовлекли бы

³⁷ Nov. Just., 109, epil; cp. Nov. Just., 115.3.14; CJ, I, 5.18.

³⁸ CJ, I, 5.14; 5.20.

³⁹ Nov. Just., 37.

⁴⁰ CJ, I, 5.12, § 5.

⁴¹ CJ, I, 4.20.

⁴² CJ, I, 5.12, § 9.

⁴³ CJ, I, 5.12, § 6.

простые души в подобные же заблуждения»⁴⁴. Эти предписания наглядно показывают страх правительства и господствующей церкви перед распространением среди молодежи яда свободомыслия и непокорности властям.

Правительство Юстиниана не удовлетворялось ущемлением политических прав еретиков. Были введены ограничения гражданской правоспособности всех лиц, не придерживающихся догматов господствующей церкви.

Император объявил: «Справедливо, чтобы православные пользовались в обществе большими преимуществами, чем еретики»⁴⁵. Последние были жестоко стеснены в сфере гражданского права, закон вмешивался в их частную жизнь и семейные отношения, сея раздоры между родственниками. Вероотступники были ограничены в правах наследования и получения легатов. Если в числе детей отца-еретика есть дети еретики и православные, то закон дает православным предпочтительные права наследования перед еретиками⁴⁶. Если сыновья заподозрены в ереси, то наследство переходит к более отдаленным родственникам, лишь бы они были православными. В случае же, когда никаких православных родственников нет, наследство еретика переходит в собственность государства⁴⁷. Последователи еретических сект могут совершать легаты и делать подарки только в пользу православных⁴⁸.

Мать-еретичка по закону была обязана выделить из своего имущества приданое дочери, придерживающейся догматов православной церкви⁴⁹. Если между родителями возникали разногласия по поводу воспитания детей, то закон всегда защищал тех, кто придерживался православия и хотел воспитывать детей в духе православной религии⁵⁰.

Еретики были лишены права давать на суде свидетельские показания против православных⁵¹.

Отступники, т. е. лица, отступившие от православной религии и перешедшие в язычество или иудейство, лишались права составлять завещания и наследовать. Кроме того, они не могли выступать на суде в качестве свидетелей⁵².

Принимая православие, еретики, однако, всю жизнь подлежали строгому надзору церкви. За вторичное впадение в ересь и вероотступничество их ожидала смертная казнь⁵³. Вероотступники, так же как язычники и иудеи, не могли владеть рабами-христианами. В случае нарушения этого закона раб получал свободу⁵⁴.

Выступая против всех, кто не исповедует «истинной» веры и не подчиняется догматам господствующей вселенской церкви, Юстиниан тем не менее проводил существенные градации в отношении различных сект и вероучений.

Еретические секты, носившие демократический характер и угрожавшие существующему строю, не только ограничивались в правах, но подвергались беспощадным гонениям. Наибольшую ненависть правительства Юстиниана вызывали демократические секты манихеев и монтанистов.

⁴⁴ CJ, I, 5.18.4.

⁴⁵ Nov. Just., 109, с. 1.

⁴⁶ CJ, I, 5.18, § 1; Nov. Just., 115, 3, § 14.

⁴⁷ CJ, I, 5.18, praef.; Nov. Just., 115, 3, § 14.

⁴⁸ CJ, I, 5.17.18.19.22; Nov. Just., 115.3, § 14; 4.8.

⁴⁹ CJ, I, 5.19, § 3.

⁵⁰ CJ, I, 5.12.18.

⁵¹ CJ, I, 5.21.

⁵² CJ, I, 7, 1—6.

⁵³ CJ, I, 5.16, § 4.

⁵⁴ CJ, I, 10, § 1.2; CJ, I, 5.10.

И именно по отношению к ним законодательство Юстиниана проявляет предельную жестокость.

За приверженность манихейской ереси каждому грозила смертная казнь; только смерть, по мнению законодателя, могла искупить преступления этих «проклятых богом безумцев». Всюду необходимо их гнать, стирать с лица земли их нечестивые «капища», искоренять самое их имя, предавать их позорной и мучительной казни⁵⁵. Смертной казнью карались все, кто предоставлял убежище манихеям, кто скрывал их от властей. Строжайшим образом преследовалось распространение идей манихейства; манихейские книги предписывалось сжигать⁵⁶. Манихеи не только отстранялись от всех должностей, но им не давалось права владения имуществом, чтобы «лишенных всего, они погибли бы в нищете»⁵⁷.

Не менее беспощадным гонениям подвергались фригийские монтанисты. Храмы, где они отправляли свой культ, разрушались⁵⁸, их тайные собрания разгонялись, духовенство отправлялось в ссылку или предавалось смерти⁵⁹. Всем христианам под страхом сурового наказания запрещалось общение с монтанистами. Последователям учения Монтана не разрешалось участвовать в судебных процессах, касающихся даже лишь еретиков, давать показания не только против православных, но и против инакомыслящих. Они лишались всех гражданских прав, не могли заключать какие-либо законные сделки⁶⁰.

Ответом на преследования манихеев и монтанистов было массовое бегство еретиков за пределы империи⁶¹. Нередки были восстания приверженцев этих сект в Малой Азии. Во время жестокого подавления мятежа монтанистов во Фригии известны случаи самосожжения еретиков. Предпочитая мучительную смерть в огне подчинению правительству, монтанисты самосжигались в своих храмах⁶². Борьба с манихеями и монтанистами явно приняла характер расправы правительства с опасным классовым врагом.

Несколько иную форму имели преследования язычников, еще довольно многочисленных в империи⁶³. В отличие от плебейских по своему социальному составу сект манихеев и монтанистов сторонники язычества в VI в. встречались главным образом в среде старой римской аристократии. Случаи тайного поклонения языческим богам встречались в самом окружении императора. Прокопий, осуждая Юстиниана за ограничение прав старой сенаторской аристократии, приписывает ему корыстные соображения, вызвавшие преследования язычников и некоторых других еретиков. «При полном отсутствии всякой вины, — пишет Прокопий, — он осуждал тех, кто считались богатыми в Византии и во всяком другом городе, одних обвиняя в многобожии, других в ересях и в неправом исповедании христианской веры»⁶⁴. Языческий культ был запрещен законом, язычники были лишены права занимать какие-либо должности на государственной и общественной службе⁶⁵. Исключение было сделано лишь для весьма тягостных муниципальных должностей, занятие которых

⁵⁵ CJ, I, 5.12.3; J o h a n. E p h e s., 481.

⁵⁶ CJ, I, 5.16.

⁵⁷ CJ, I, 11.10, § 2.

⁵⁸ CJ, I, 5.18.3.

⁵⁹ CJ, I, 5.20.3.

⁶⁰ CJ, I, 5.21.

⁶¹ P r o c o p., H. a., XI, § 23.

⁶² Ibidem., J o h a n. E p h e s., 489.

⁶³ CJ, I, 11.1—10.

⁶⁴ P r o c o p., H. a., XIX, § 11.

⁶⁵ CJ, I, 11.10; 9.18.

было скорее бременем, чем выгодой⁶⁶. Перешедшим в христианство язычникам, вновь отступившим от «правой» веры, грозила смертная казнь⁶⁷. Борьба правительства Юстиниана против язычников, однако, отражала скорее всего не социальные противоречия той эпохи, а столкновение между различными идеологическими течениями внутри господствующего класса.

Евреи, составляющие значительную часть населения Палестины и многочисленные на всем Востоке, пользовались некоторое время если не веротерпимостью, то хотя бы не подвергались открытым гонениям⁶⁸. Подобно язычникам, евреи, однако, не могли занимать государственные должности⁶⁹, им не разрешалось иметь рабов-христиан⁷⁰. Евреям (как и жившим в империи варварам) категорически запрещалось вступать в брак с христианами⁷¹.

Такое положение сохранялось до восстания самаритян, потрясшего в 529 г. Палестину⁷². Это восстание было задушено со столь страшной беспощадностью, что, по словам Прокопия, «усмирение самаритян и других так называемых еретиков наполнило Римскую империю кровью и убийствами»⁷³. После расправы с самаритянами начались гонения не только против них, но и против всех иудеев⁷⁴. Еврейские синагоги разрушались, и воспрещалось их вновь отстраивать⁷⁵. Против самаритян были изданы особо суровые законы⁷⁶.

Самаритяне отстранялись от занятия государственных должностей, они не только лишались права получать по завещаниям, но и передавать по наследству свои имения⁷⁷. Юстиниан вмешивается во внутренние дела еврейских религиозных общин⁷⁸. Эти преследования вызвали столь большое недовольство иудейского населения, что в 551 г. Юстиниан по просьбе епископа Кесарийского Сергия принужден был несколько смягчить законодательные меры против самаритян и иудеев⁷⁹.

Однако в 556 г. в Кесарии Палестинской вспыхнуло новое восстание самаритян, во время которого восставшие убили проконсула Палестины⁸⁰. Перешедшие было под страхом смерти в христианство самаритяне массами возвращались к исповеданию своей старой веры. Преемник Юстиниана император Юстин II в 572 г. вновь восстановил суровые законы против самаритян⁸¹.

По отношению к арианам политика византийского правительства была непоследовательной; она зависела от изменения политической и военной обстановки. Во время завоевания Северной Африки и Италии Юстиниан не раз пытался заключить компромисс с влиятельным ариенским духовенством. Однако после победы над вандалами и остготами византийское правительство под влиянием настойчивых требований местного католи-

⁶⁶ Nov. Just., 45, praef.

⁶⁷ CJ, I, 11.10.

⁶⁸ CJ, I, 5.18.3.

⁶⁹ CJ, I, 11.10; 9, 18. За исключением декуррионата, который был связан с обязательными обязанностями (Nov. Just., 45, praef.).

⁷⁰ CJ, I, 10.12.

⁷¹ CJ, I, 9.6.

⁷² M a l a l a. Chronogr., p. 445—447.

⁷³ P r o c o p., H. a., XVIII, § 34; ср. XI, § 14.

⁷⁴ Nov. Just., 45; 131, с. 14.

⁷⁵ CJ, I, 5.17.

⁷⁶ Nov. Just., 45.

⁷⁷ Nov. Just., 45; 129, praef.

⁷⁸ Nov. Just., 131, с. 14; 146, с. 1.

⁷⁹ Nov. Just., 129.

⁸⁰ M a l a l a. Chronogr., p. 487.

⁸¹ Nov. Just., 144, с. 1.

ческого духовенства должно было пойти на открытый разрыв с арианами. В 535 г. была издана особая новелла о восстановлении всех прав и привилегий католических церквей в Северной Африке. Победители возвратили ортодоксальному духовенству все захваченные арианами земли, церковные богатства, предметы культа. Арианские храмы были разрушены, имущество арианских церквей конфисковано и передано ортодоксам, арианские священники изгнаны, культ ариан строжайшим образом запрещен. По закону ариане, как и другие еретики, не только отстранялись от государственных должностей, но даже их переход в православие не открывал им доступа к государственной или общественной деятельности. По словам Юстиниана, ариане должны быть довольны и тем, что им была сохранена жизнь⁸².

Подобную же политику проводило византийское правительство в завоеванной Италии. Согласно Прагматической санкции 554 г. все имущество, отнятое при остготах у католической церкви, вновь ей возвращалось. Кроме того, была в широких масштабах проведена конфискация богатств арианских церквей и передача их земель, рабов, храмов и всего церковного имущества католическому духовенству⁸³. Конфискация земель ариан проводилась и в самой империи⁸⁴.

Византийское правительство в своей религиозной политике на Востоке всегда должно было считаться с богатым и могущественным несторианским и монофиситским духовенством. И если Юстиниан не хотел идти на уступки монофиситам в сфере догматики и осудил учение Нестория и Евтихия⁸⁵, то в сфере политики он был значительно более осторожен. Несториане и монофиситы были причислены к еретикам лишь законом 541 года⁸⁶. Позднее на них были распространены и все законы против еретиков. Монофиситам было запрещено отправление культа, их храмы были закрыты⁸⁷. Монофиситы подверглись ущемлению своих гражданских прав, им было запрещено приобретать земельную собственность и даже брать в аренду земельные участки⁸⁸. Жены монофиситов были лишены права на приданое⁸⁹.

Мы не будем останавливаться на всех перипетиях сложной политики Юстиниана в отношении монофиситов. Скажем лишь, что в отношении монофиситов, ариан и несториан Юстиниан проводил более умеренную политику, чем в отношении демократических еретических сект. Он переходил против них в наступление только под большим нажимом папского престола и ортодоксального духовенства. Постоянные поиски Юстинианом компромисса с верхушкой арианского и монофиситского духовенства лишней раз показывают, что византийское правительство и эти секты разделяли не столько социальные, сколько политические и религиозные разногласия. Борьба ортодоксального духовенства против ариан и монофиситов была столкновением различных группировок внутри господствующего класса, внутри единой вселенской церкви за супрематию, власть, политическое влияние и богатство. Это, конечно, не может заслонить существование в среде самих ариан и монофиситов оппозиционных и даже демократических элементов, которые решительно выступали

⁸² Nov. Just., 37.

⁸³ Pragm. Sanct., § 1, 3, 8, 17. Agnelli Liber pontificalis ecclesiae Ravenatis. — MGH, Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX. Hannoverae, 1878, § 85; см. З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 439 и сл.

⁸⁴ P r o c o p., H. a., 74; Nov. Just., 131, c. 14.

⁸⁵ CJ, I, 1.5.6.7.8.

⁸⁶ Nov. Just., 109, praef.

⁸⁷ Nov. Just., 115, c. 3, 14; 131, c. 14, § 1; 132.

⁸⁸ Nov. Just., 131, c. 14.

⁸⁹ Nov. Just., 109.

против господствующей церкви и правительства и порою придавали религиозной борьбе социальную окраску.

Законодательство Юстиниана в конечном счете отразило крайне ожесточенную и изменчивую социально-политическую и идеологическую борьбу в империи, происходившую чаще всего в форме религиозных столкновений. Оно было совершенно беспощадно к тем еретическим движениям, которые выражали в той или иной мере социальный протест угнетенных народных масс. В то же время законодательство было значительно мягче и умереннее в отношении других религиозных течений, не имевших столь ярко выраженного социального характера.